

Летнее убежище

Автор:

Сьюзен Виггс

Летнее убежище

Сьюзен Виггс

После двух лет военной службы в горячей точке богатый наследник Росс Беллами возвращался домой с тяжелым сердцем – горячо любимый дед, заменивший ему погибшего отца, безнадежно болен. Мало того, он отказался продолжить курс лечения и стремительно уехал в какой-то лагерь с неизвестной медсестрой, которую родственники подозревают в корысти. Росс отыскал деда и познакомился с «авантюристкой». Ею оказалась молодая и очень привлекательная особа, которая и понравилась повидавшему виды бойцу, и вызвала недоверие. Он почувствовал, что за сдержанной благовоспитанностью Клэр кроется какая-то тайна...

Сьюзен Виггс

Летнее убежище

Пролог

Долина Коренгал,

провинция Кунар,

Афганистан

Его завтрак состоял из сушеного, нарезанного длинными узкими, похожими на шнурки для ботинок, полосками вялого и безвкусного жареного картофеля и бледной глазуньи из сублимированных яиц, таратившейся на него из отделения подноса. Кружка была наполнена какой-то серо-коричневой бурдой, изображающей кофе, слегка забеленной порошковым молоком.

Под конец двухлетнего срока Росса Беллами тошнило уже от одного вида столовой. Он достиг своего предела. К счастью, сегодня был последний день его службы, похожий на все остальные – с однообразным до одури распорядком дня и ни на минуту не умолкающим ощущением тревоги. Из прикрепленного к его карману воки-токи доносились жужжание и потрескивание от помех, настолько привычно сливающихся со звоном посуды, что он едва их слышал. Экипажи санитарных вертолетов «дастофф» всегда были начеку в ожидании очередного вызова на эвакуацию раненых.

И долго ждать его не приходилось – они поступали изо дня в день чуть ли не каждый час.

Рация выдала позывной сигнал, и Росс резко отодвинул поднос с едой. По этому сигналу члены дежурного экипажа обязаны были немедленно оставить все свои дела: отложить вилку с насаженным на нее куском мяса сомнительного происхождения; бросить на стол карты, хотя в них оказалось сразу несколько козырных; прервать на середине предложения письмо любимой девушке, которому, возможно, суждено остаться незаконченным; вскочить с койки, когда тебе снился родной дом; оборвать на полуслове молитву; бросить бритву, не успев до конца побриться.

Экипажи скорой медицинской помощи гордились своей реакцией – взлет производился через пять-шесть минут с момента поступления вызова. Мужчины и женщины вскакивали и мчались к вертолетам, на ходу дожевывая пищу или вытираясь после душа, внутренне готовясь исполнить свой трудный и опасный профессиональный долг.

Росс скрипнул зубами, гадая, что приберег ему этот день, и надеясь, что судьба убережет его от вражеской пули. Ему позарез необходимо было дожить до увольнения. Росс знал, что его дед болен, и подозревал, что родители скрывают от него, насколько серьезна его болезнь. Он не мог представить себе деда

немошным – это с его-то неумной страстью к путешествиям, с его знаменитым раскатистым смехом, слыша который все вокруг невольно начинают улыбаться. Для Росса он был не просто дедом, а самым дорогим и близким другом с самого детства.

Он порывисто схватил последнее письмо деда и спрятал его в нагрудный карман летной формы, поближе к сердцу. Внезапное желание взять с собой это письмо пробудило в нем смутную тревогу.

– Идем, Лерой! – окликнул его командир экипажа Немо и, как всегда, пропел первые строки песни Get Up Offa That Thang.

По армейской привычке ребята прозвали Росса Лероем, как только узнали о его благополучной жизни. Привилегированные частные школы, учеба в престижном университете, известная семья сделали его объектом для насмешек.

Немо как-то назвал его Маленький Принц Лерой, затем сократил это до Лероя, и прозвище пристало к Россу.

– Иду-иду! – Росс размашисто шагал к вертолетной площадке. Сегодня вертолет поведут он и Рэнджер.

– Желаю удачи с новичком!

Значит, с ними полетит новобранец, которому предстоит впервые участвовать в операции. Что ж, он будет с ним внимательным и покладистым. Ведь если бы не новички, Росс навечно застрял бы здесь. А согласно полученному приказу, его срок подходил к концу. Через несколько дней он снова станет штатским, если только сегодня не вляпается в какую-нибудь переделку.

Новобранцем оказалась девушка по имени Флоренс Кеннеди, врач из Ньюарка, штат Нью-Джерси, с характерным для новичков решительным выражением лица, за которым скрывался жуткий страх.

– Какого черта вы медлите? – рявкнул Немо, проходя мимо нее. – Тащите поживее свою задницу на площадку!

Она побледнела от возмущения и замерла на месте.

Росс ожег ее сердитым взглядом:

– Ну? В чем дело?!

– Сэр, я... Я не люблю грубых выражений, сэр.

Росс усмехнулся:

– Вам предстоит полет в зону боевых действий, и вы боитесь брани?! Все солдаты ругаются, придется вам к этому привыкнуть. Хуже солдат не ругается никто, зато и молятся они так, как никто другой. Не знаю, как вы, а я не вижу в этом противоречия. Да скоро вы и сами это поймете.

Казалось, она вот-вот расплачется. Росс хотел как-то успокоить ее, но не нашел слов. Черт, когда же это он растерял все нормальные человеческие слова, очерстнев до того, что уже ровным счетом ничего не чувствует?

– Ладно, идемте, – коротко бросил он и, не оглядываясь, зашагал к вертолету.

Командир наземной службы крикнул, что машина к полету готова, и экипаж, экономя время, поднялся в кабину со шлемами в руках, чтобы надеть их уже на борту.

Росс слушал через головной телефон координаты и подробности вызова, сверяясь с разложенной на коленях навигационной картой. Таких вызовов они боялись больше всего – среди раненых военные и местные жители, район все еще в руках неприятеля. Их будут сопровождать вертолеты «апахи» с тяжелым вооружением, так как неприятель нагло обстреливал санитарные вертушки, хотя на их носу, фюзеляже и дверцах алеют красные кресты. Но экипаж вынужден был пренебрегать опасностью обстрела – на земле лежит раненый и нетерпеливо ждет самого важного сообщения: «К вам идет «дастофф»». Для тех, кто истекает кровью на поле сражения, летающая скорая помощь – единственная надежда остаться в живых.

Через несколько минут они уже летели на север над покрытыми вечнозеленой растительностью горами провинции Кунар. Росс всегда испытывал сильнейшее нервное напряжение во время полетов на полной скорости над острыми вершинами гор, густыми лесами и серебристыми лентами рек. Непрестанный гул мотора и строгие правила вынуждали экипаж обмениваться лишь необходимыми замечаниями по шлемофонам. Полет навстречу неведомой опасности был ежедневным испытанием, но Росс так и не смог к нему привыкнуть. «Последний вылет, – твердил он себе, – это твой последний вылет, держись, приятель!»

Долина Коренгал была самым прекрасным в мире местом – но и самым коварным. Здесь вертолеты подстерегали ракеты «земля – воздух», артиллерийские обстрелы и даже тросы-ловушки, протянутые от одной вершины скалы к другой. Они летели над ландшафтом изумительной красоты, наблюдая, как то и дело сверкают вспышки пулеметных очередей и поднимаются зловещие клубы дыма. Каждый из них означал смертельное оружие, нацеленное на вертолеты.

Росс запоминал интервал между замеченной вспышкой и ударом – раз, два, три биения сердца, и снаряд достигал какой-то цели.

Сопровождающие вертолеты обрушили мощный огонь на точки, откуда стреляли из пулеметов, обеспечивая возможность снизиться санитарной бригаде.

Росс и его второй пилот Рэнджер сосредоточились на приближении к месту радиовызова. Несмотря на полученную информацию, они никогда не знали, что их ожидает. Половину рейсов они совершали для эвакуации жителей афганских деревень и охраняющих их солдат. В стране практически отсутствовала система здравоохранения, поэтому им приходилось доставлять на военно-воздушную базу в Баграме пациентов, раненных в драках, пострадавших от несчастных случаев и даже от укуса собаки. Экипажу Росса довелось повидать много таких бедолаг. Но, судя по месту назначения, на этот раз на обычного пациента рассчитывать не приходилось. В этом горном районе находились самые опасные убежища талибов с их пешими дозорами, за что ее и прозвали долиной Смерти.

Вертолет приблизился к пункту назначения и стал снижаться. Вершины великолепных сосен раскачивались от стремительного потока воздуха, вызванного вращением вертушки, позволяя на мгновение увидеть территорию. В долине меж склонами гор лежало селение – разбросанные домики с глинобитными крышами. Он видел суесящихся людей в гражданской и военной

одежде, одни развернулись цепью в поисках неприятеля, другие охраняли раненых в ожидании помощи.

Склоны в обоих концах долины осветились вспышками выстрелов. Росс сразу понял, что внизу много неприятельских стрелков с ручным огнестрельным оружием и что прикрития явно недостаточно.

Риск привлечь к себе вражеский огонь был слишком велик, и долг пилота обязывал его принять решение: уйти и спасти экипаж или остаться и попытаться спасти тех, кто на земле. Как всегда, это трудное решение необходимо было принять быстро и выполнять уже без малейших колебаний. Времени на размышления не было.

Он решительно направил машину вниз, лавируя в воздухе как можно ближе к назначенному месту, но приземлиться не смог. Второй пилот энергично затряс головой. Местность была слишком гористая и неровная. Придется спускать носилки.

Командир экипажа распахнул дверцу грузового отсека и, придерживая трос руками в перчатках, следил за тем, как он скользит вниз. Носилки Стоукса коснулись земли, и в корзину поместили первого солдата с самыми тяжелыми ранениями. Услышав в наушниках: «Идем вверх, сэр!», Росс стал поднимать машину, тогда как лебедка начала стремительное вращение в обратную сторону.

Корзина была почти на борту, когда Росс заметил новый столб дыма – выпущенную ракету. Находясь на низкой высоте, всего в пятидесяти футах от земли, он не успевал произвести уклоняющийся маневр. Миниатюрная зенитная управляемая ракета ударила в вертолет.

Машину будто хлестнуло вспышкой ослепительно-яркой молнии. Все дождем посыпалось вниз: шрапнель, снаряжение, краска с обшивки и целый вихрь засохшей крови – след предыдущей транспортировки раненых, засыпая грузовой отсек и разлетаясь вокруг. Затем вертолет затрясся от взрыва, и его корпус прошили осколки. Он встал на дыбы и весь завибрировал, разбрасывая вокруг снаряжение, куски алюминия, разбитое оборудование, в том числе две радиостанции, прервав первый сигнал о помощи, который Росс успел передать на базу. Из пробитого бензопровода на пол выливалось горячее.

Осколки ударили в его кресло, в приборную панель перед его лицом, в выпуклое стекло каплевидного фонаря над головой. Что-то мощно ударило его в спину, выбив воздух из легких. «Не умирай, черт возьми, только не умирай!» Он цеплялся за жизнь, зная, что без него погибнут все, кто находится в вертолете.

Ему уже приходилось сажать обстрелянный вертолет, но не при таких условиях. Вокруг не было никакого водоема. Он крутился, как черт на раскаленной сковороде, чтобы посадить вертолет, не погубив людей. Дьявол, удалось ли ребятам втащить носилки? Он старался не думать о том, что под брюхом вертолета болтается корзина, а в ней раненый.

Рэнджер проверил другую радиостанцию. В воздухе возник красный след дыма гранаты, ветер отнес его в сторону. Росс заметил пятачок земли как раз в ту секунду, когда раздался вой другого выстрела. Днище взорвалось, осыпав осколками его плечи и шлемофон. Вертолет закружился, как будто попал в гигантский блендер, и полностью вышел из-под контроля. Росс не чувствовал своего веса, вообще ничего. Голову наполнил свист и вой устремившегося к гибели вертолета.

Земля неслась навстречу им, и перед глазами Росса одна за другой мелькали картинки: расколотый щит с рекламой детского молока, изуродованные ворота на футбольном поле, покосившийся от взрыва дом. Вертолет взревел и с силой рухнул на землю, осыпая все вокруг осколками днища. От мощного удара у Росса лязгнули челюсти, все тело пронзило болью. Несущий винт вертолета оторвало и швырнуло вниз, закрыв обзор. Росс задвигался еще до того, как машина замерла. Задыхаясь от вонючего, он схватил Рэнджера за плечо и, обнаружив, что он жив, возблагодарил Бога.

Немо пытался выбраться из ловушки, в которую превратилась система ремней, удерживающих его на месте во время боя. Ремни перекрутились и спутались, и он никак не мог разжать крепление, привинченное к развороченному полу. Рэнджер помог ему освободиться, и они вдвоем оттащили в сторону носилки с раненым, которые, к счастью, еще до крушения были задвинуты в грузовой отсек.

– Кеннеди! – позвал Росс, опустившись на колени около неподвижно лежащей на боку девушки. – Эй, Кеннеди! Поднимай свою задницу. Давай шевелись, черт тебя возьми! Нужно скорее выбираться!

Господи, пусть она будет жива, пусть она будет жива! Черт, он больше не мог этого выносить! Слишком часто ему приходилось переворачивать солдата и понимать, что он – или она – уже не дышит.

– Кен...

– Черт! – Девушка оттолкнула его руку и встала на ноги, не переставая ругаться. Затем мельком взглянула на Росса, и он поразился ее решительному виду. – Не тратьте время попусту, шеф. Убираемся отсюда ко всем чертям.

Четверо членов экипажа пригнулись под пробитым фюзеляжем. Противник поливал пулями санитарный крест и хвостовую балку. На пол отскакивали гильзы от автоматов АК-47.

Сопровождающий их «апахи» прорвался сквозь заградительный огонь и стал преследовать неприятеля на земле, стреляя по ярким вспышкам на склонах гор и обеспечивая столь необходимую передышку. Второму вертолету удалось спастись, и теперь он наверняка посылал на базу сигналы бедствия. Повсюду поднимались в воздух столбы черного дыма от пушечных выстрелов.

Не имея возможности эвакуироваться, экипаж решил искать какое-нибудь укрытие. Низко пригнувшись, под градом осколков они потащили носилки в ближайший дом. За облаками дыма и пыли Росс заметил неприятельского солдата, который, пригнувшись и сжимая в руках АК-47, настороженно посматривая по сторонам, приближался к этому дому с другой стороны.

– Я займусь им. – Росс локтем толкнул Немо.

Безоружный против огнестрельного оружия, Росс понимал, что у него есть всего несколько секунд, чтобы использовать элемент внезапности. Вот тут и пригодилась армейская выучка. Неслышно приблизившись к парню сзади, он стремительно нагнулся, схватил его за щиколотки и резко рванул на себя, отчего тот рухнул лицом на землю и не успел выдохнуть, как Росс мгновенно отключил его, ударив ребром ладони по глазам, по шее и в живот – именно в такой последовательности. Парень даже не понял, что с ним случилось. За пару секунд Росс связал ему кисти стяжкой для проводов, забрал автомат и втащил пленного в дом.

Там оказались осажденные американские и афганские солдаты.

– «Дастофф-91», – представил свой экипаж Рэйнджер. – К сожалению, вам придется подождать другого рейса.

Захваченный в плен солдат застонал и пошевелился.

– Ну и ну! Где это вы научились этому приему? – спросил один из американцев.

– Медэвакуаторы специально обучаются борьбе без применения оружия, – пояснил Немо, пожимая Россу руку.

В комнате звучали разговоры на английском и на пушту.

– Нам крышка, – уныло заключил один из солдат.

Как и его товарищи, он явно неделями не мылся, и на животе у него был пояс от блох; условия жизни на сторожевом посту были очень тяжелыми. Парень, лицо которого было еще юношески круглым, но глаза уже потухли, глухим усталым голосом рассказал про ожесточенный бой с неприятелем. Не в первый раз, глядя на таких вот измотанных и опустошенных ребят, Росс думал, смогут ли они когда-нибудь по-прежнему радоваться жизни.

– Давайте взглянем на раненого, – предложила Кеннеди.

Видно было, что ей не терпится сделать хоть что-нибудь. Солдат подвел ее к ряду лежащих людей – афганский подросток с айфоном в руках, который тянул какую-то заунывную мелодию, напоминающую мусульманскую молитву; солдат, со стонами сжимающий свою изорванную осколками ногу. Несколько человек были без сознания. Кеннеди проверила у них пульс и растерянно оглянулась.

– Мне нужно что-нибудь, на чем можно писать.

Росс вынул из ее сумки маркер.

– Вот здесь, – сказал он, указав на обнаженную грудь подростка.

Она смущенно помедлила, затем стала писать на коже мальчика. Снаружи снова ударили выстрелы. Минут через двадцать, показавшиеся людям целой вечностью, прибыл еще один санитарный вертолет, спустил на тросе врача и отправился искать площадку для приземления. В доме все помогали врачам осматривать раненых и отбирать из них самых тяжелых.

Росс прошел мимо двух солдат, явно уже мертвых. И ничего не почувствовал, да он и не позволял себе никаких чувств. Кошмар начнется позднее.

– Попробуйте остановить кровотечение, – указал прибывший врач на очередного раненого. – Хотя бы зажмите чем-нибудь рану.

Росс оторвал рукав и, лишь когда прижал ткань к поврежденной руке человека, понял, что это старик, рядом с которым сидел мальчик лет десяти. Он обнимал старика за шею и что-то тихо напевал ему на ухо. Видимо, пение успокаивало раненого.

Росс страдал оттого, что душа его перестала что-либо чувствовать. Глядя, как мальчик нежно поглаживает старика по щеке, он вдруг понял, что ему не хватает именно этого, вот такого участия и заботы. Семья! Она придавала жизни смысл. Когда у человека отнято все, семья остается единственным, что имеет значение, единственным, что привязывает человека к жизни. Помимо своего деда, Росс ни к кому не испытывал горячей и нежной привязанности, и это его пугало.

Огонь со стороны повстанцев стих. Прибыло еще два санитарных вертолета с носилками. Все действовали быстро, пользуясь временным затишьем. Раненых укладывали на носилки, перетаскивали на одеялах, несли на руках. Ходячие раненые сами торопливо забирались в вертолеты. Первый вертолет оторвался от земли, нутужно ревя от перегрузки, затем закружился, как карусель на карнавале.

Росс последним забрался во второй вертолет и крепко ухватился за поручень. Их снова стали обстреливать, пули со звоном ударяли в тормозные колодки. Полет сопровождался грохотом и дымом, но наконец – наконец-то! – он увидел, как губы одного из членов экипажа зашевелились, произнося долгожданные слова: «Дастофф» идет на посадку!»

Они дотянули до аэродрома с последним литром горючего, и вокруг них сразу засуетилась наземная команда. Один из медиков промыл ему рану раствором бетадина и наложил повязку. И он пошел в лагерь, чувствуя, как неистовое афганское солнце обжигает ему руку, с которой он сорвал рукав. Голова у него кружилась от осознания того, что он в очередной раз побывал в аду и вышел из него практически целым и невредимым.

Было только около полудня.

Его экипаж «дастоффа», известный быстротой своих действий и профессионализмом, спас жизнь не одному десятку людей. Для ребят стало нормой доставлять раненых с поля боя до хирургического отделения всего за двадцать пять минут. Он всегда этим гордился, но чувствовал, что больше уже не в силах выносить весь этот ужас и напряжение.

Вокруг палатки-столовой было оживленно, к вылету готовились еще два экипажа.

– Эй, Лерой! А рано для тебя в этом году наступило Рождество! – окликнул его Немо и с аппетитом вонзил зубы в сложенную пополам пиццу, которую купил в палатке с надписью «Пицца Хат». – Я слышал, приказ о твоём увольнении уже прибыл.

Росс кивнул, испытав нечто отдаленно похожее на облегчение. Наконец-то это произошло, наконец-то он едет домой.

– И что собираешься делать на родине? – спросил Немо.

Начать все заново, подумал Росс, только на этот раз он уже знает, что в жизни важнее всего.

– О, планы у меня большие, – ответил он.

– И правильно, – усмехнулся Немо, направляясь в душевую палатку. – Не то что у нас.

Когда попадаешь в такое место, ты не строишь никаких планов, только и думаешь, как бы уцелеть. Россу с трудом верилось, что теперь он может думать о завтрашнем дне.

Он заметил в тени палатки Флоренс Кеннеди; присев на корточки, она тихо плакала и время от времени отхлебывала что-то из фляжки.

– Послушайте, вы уж извините за то, что я на вас наорал, – сказал он.

Она подняла на него глаза, полные слез.

– Сегодня вы спасли мою задницу.

– Она у вас чертовски привлекательная.

– Шеф, следите за тем, что говорите! Так вы можете слишком далеко зайти. – Она усмехнулась сквозь слезы. – Я ваша должница.

– Я только делал свою работу, мэм.

– Говорят, вы возвращаетесь домой.

– Ага.

Она сунула руку в карман, вытащила визитную карточку и написала на ней адрес своей электронной почты.

– Может, как-нибудь свяжемся.

– Может быть.

Здесь это не было принято, но она этого еще не знала.

Он перевернул карточку и прочел напечатанный текст:

– «Тирон Кеннеди. Прокуратура Нью-Джерси». А что, у меня какие-то проблемы?

– Нет, но если в Нью-Джерси ваша задница вдруг окажется в затруднительном положении, позвоните моему отцу. У него есть связи.

– И при его-то связях вы оказались здесь! – Он повел рукой на запыленные палатки лагеря.

Впрочем, наверное, она оказалась в таком же положении, как и он два года назад, – не видела в жизни цели и решила заняться чем-то серьезным и нужным.

Она пожала плечами:

– Я говорю это на всякий случай, сэр. Если вам что-нибудь понадобится, в любой момент и в любом месте можете воспользоваться этой карточкой.

Она завинтила крышку на фляжке и направилась в столовую, совершенно не похожая на того новичка, которого он впервые увидел всего несколько часов назад.

Засовывая карточку в карман, он с удивлением заметил, что у него дрожит рука. Он вышел из этой переделки всего с несколькими порезами и синяками, и все равно тело его болело и ныло. Выходит, у его нервов проснулись нервные окончания, с усмешкой подумал он. После того как он двадцать три месяца заглушал в себе способность чувствовать любую боль, он снова начинал ее ощущать.

Глава 1

Округ Ольстер,

штат Нью-Йорк

Для умирающего человека Джордж Беллами показался Клэр довольно бодрым и жизнерадостным стариком. По приемнику в машине шла глупейшая программа

«Хут’нэнни», а Джордж покатывался от смеха. С невольной улыбкой она подумала, что его смех на редкость заразителен – он начинался с тихого смешка и переходил в раскатистый, удивительно радостный, по-детски искренний хохот. И не только эта глупая, но смешная передача поднимала ему настроение. Недавно Джордж получил сообщение, что его внук возвращается с войны в Афганистане. Теперь он со дня на день ожидал его приезда.

Ради них обоих она надеялась, что это произойдет как можно скорее.

– Дождаться не могу, когда увижу Росса, – заявил Джордж. – Это мой самый любимый внук. Его уволили из армии, и сейчас он уже, должно быть, на пути домой.

– Уверена, что он сразу примчится повидать вас, – сказала Клэр, не напоминая старику, что всего час назад он уже поделился с ней этой радостной новостью.

Они мчались вперед, и мимо мелькали деревья, опушенные едва распутившейся зеленью, обочины, пестреющие россыпью желтых, розовых и сиреневых цветов.

Интересно, думала она, сознает ли старик, что эта весна будет последней в его жизни. Иногда подобные мысли так сильно угнетали ее пациентов, что с ними приходилось очень трудно. Пока же Джордж, казалось, совершенно не испытывает ни боли, ни стресса. Они познакомились совсем недавно, но Клэр уже поняла, что он станет ее самым приятным пациентом.

В модных брюках и рубашке поло он выглядел обыкновенным богатым джентльменом, решившим провести лето вдали от города. Теперь, когда он прекратил всякое лечение, голова его снова покрылась редким седым ежиком, да и цвет лица был очень хорошим, здоровым.

Как частной медсестре, ухаживающей за неизлечимо больными пациентами, Клэр приходилось встречаться с самыми разными людьми. Предметом ее забот всегда был только сам пациент, но его, как правило, окружала целая куча родственников. В этом же случае она пока еще не видела ни одного члена семьи Джорджа, его сыновья со своими семьями жили далеко. И в настоящее время она была один на один со своим подопечным.

Судя по всему, его голова была занята только мыслями о цели поездки, а значит, боли его действительно не беспокоили.

Она указала на раскрытый блокнот у него на коленях, исписанный старомодным мелким почерком.

– Вы были заняты каким-то делом.

– Да, составлял список необходимых дел. Как вы на это смотрите?

– Думаю, вы отлично придумали, Джордж. У всех есть подобные списки, но чаще всего мы держим их в голове.

– Теперь я не очень-то доверяю своей голове, – признался он, намекая на свою болезнь – глиобластома мультиформа, жестокая раковая опухоль. – Поэтому предпочитаю все записывать. – Он перелистал страницы. – Кажется, список длинноват, – виновато заметил он. – Мы можем не успеть выполнить все его пункты.

– Но мы сделаем все, что сможем, я вам помогу, – сказала она. – Для этого я и приехала. – Она с интересом вглядывалась в разворачивающийся впереди ландшафт. Покрытые лесом пологие холмы и скалистые утесы округа Ольстер для нее, до этого жившей в загазованных городках штата Нью-Джерси и в оживленном Манхэттене, казались совершенно непривычным зрелищем. – Это неплохо, что у вас столько разных идей, они не дадут вам скучать.

Он засмеялся:

– Значит, лето нам предстоит хлопотливое.

– Оно будет таким, каким вы пожелаете.

Он вздохнул и снова зашуршал страницами блокнота.

– Жаль только, что я не подумал об этих делах до того, как узнал, что скоро умру.

– Все мы когда-нибудь умрем, – напомнила она.

– Как это мне повезло найти нянюшку с таким веселым и покладистым нравом?!

– Не спешите радоваться, мой веселый нрав еще сведет вас с ума!

У Клэр был дар быстро разбираться в людях. Для нее это стало основным средством в борьбе за выживание. Неумение понять человека однажды вынудило ее целиком изменить свою жизнь.

Умный и образованный, Джордж Беллами произвел на нее впечатление одинокого и немного растерянного человека. Она знала о нем только то, что он был довольно известным международным журналистом, ушедшим на пенсию. Большую часть жизни он провел в Париже и в разъездах по всему миру. Однако к концу своей жизни пожелал отправиться в место, совершенно не похожее на оживленные столичные города.

Люди приближаются к своему концу так же по-разному, как и жили. Одни тихо и с достоинством, другие мечутся в отчаянии и никому не дают покоя, кто-то полностью в себе замыкается, но большая часть обреченных людей изводят себя сожалениями об упущенных возможностях. Эти сожаления медленно отравляют все, что может принести человеку радость. Она часто поражалась, как сожаления о невозвратном способны разрушить вполне благополучную и счастливую жизнь. И надеялась, что поиски Джорджа приведут его к месту, где он сможет примириться со своим концом.

Те, кому не приходилось ухаживать за безнадежно больными, считают, что обреченные люди знают ответы на самые главные вопросы, что они мудрее и больше думают о душе, чем здоровые. Но Клэр давно поняла, что это заблуждение. Собственно, умирающие такие же разные, как и все остальные, – среди них встречаются и умные и глупые, оптимисты и пессимисты, рассудительные и взбалмошные, общительные и замкнутые, мужественные и трусливые. Только в отличие от здоровых они знают предел своей жизни и чаще всего понимают, что их ждут тяжелые физические страдания.

По мере того как они продвигались все дальше на северо-восток, по направлению к горам Кэтскилз, огромному природному заповеднику, окрестности становились все более живописными. И вскоре они уже подъезжали

к цели поездки, отмеченной ржавой вывеской: «Добро пожаловать в Авалон, маленький город с большим сердцем!»

Клэр невольно стиснула баранку руля. Ей еще не приходилось жить в маленьких городках. Мысль о том, что она окажется в тесном, сплоченном сообществе, пусть даже на короткое время, заставляла ее внутренне сжиматься. Не то чтобы она опасалась... Хотя нет, опасалась, разумеется. Но для этого у нее были серьезные причины.

Ей казалось, что на земле нет места, где она могла бы чувствовать себя в полной безопасности. Раннее детство с матерью, еще до начала всех неприятностей, было тревожным и непредсказуемым. Ее мать в подростковом возрасте сбежала из дома. Она хорошо относилась к Клэр, но была безнадежной наркоманкой, и однажды едва не попала во время покупки дозы на Саут-Оранж-авеню в Ньюарке, но ей удалось сбежать, и она скрылась, бросив робкую десятилетнюю дочь.

Жизнь Клэр изменилась к лучшему благодаря системе патронатного воспитания. Не многие могли бы сказать такое о себе, но Клэр повезло. Ее попечительница Шерри Бэрк старалась помещать ее в самые хорошие семьи, участвующие в этой программе. Впервые узнав, что значит жить в нормальном доме, восприимчивая девочка жадно усваивала правила поведения и отношений между членами большой и дружной семьи.

Счастье принадлежности к семье сказывалось во всем, что она видела в новом доме, – во взгляде женщины, когда ее муж входит в дом, в прикосновении руки матери, когда она трогает горячий лоб своего ребенка, в дружном хохоте играющих сестер, в заботливом отношении старшего брата к своим младшим братишкам и сестренкам. Семья была той сеткой, которая не дает тебе упасть и разбиться, невидимым щитом, ограждающим от ударов судьбы.

Девочка робко надеялась, что когда-нибудь она тоже полюбит, что у нее будет своя семья и обязательно дети. Она мечтала, что в ее жизни будет все то, что позволяет человеку весело смеяться в минуты радости и рассчитывать на защиту и поддержку, когда ему становится грустно, больно или страшно.

Если система патронатного воспитания работала, как было предусмотрено, она словно говорила обездоленному ребенку: «Все это может быть и у тебя».

Но когда ей было семнадцать лет, все круто изменилось. Однажды она стала свидетельницей преступления, и с тех пор ей приходилось скрываться от человека, которому она когда-то полностью доверяла. А постоянная угроза твоей жизни достаточное основание для страха!

Такой маленький городок, как Авалон, мог оказаться очень опасным, особенно для человека, которому есть что скрывать. Это знает каждый, кто читал романы Стивена Кинга.

Впрочем, если она почувствует опасность, то просто исчезнет. Она давно уже научилась исчезать быстро и бесследно.

И также рано поняла, что полицейские меры по защите свидетелей, какими их показывают в фильмах, чистая фикция. Рядовой убийца не становится объектом федерального расследования, поэтому она не могла рассчитывать на помощь «Уитсек», федеральной программы защиты свидетелей, которая щедро финансировалась и исполнялась опытными специалистами.

Совсем другое дело – подобная программа в отдельном штате или городе. Прежде всего, для ее исполнения не было достаточных средств.

Налогоплательщики неохотно раскошеливались на эти программы. Основное количество информаторов и свидетелей в прошлом сами были преступниками и поставляли информацию в обмен на отказ от преследования за совершенные ими преступления. Среди них редко встречались такие законопослушные граждане, какой была сама Клэр. Зачастую защита свидетеля сводилась к выдаче билета на автобус в один конец и оплате проживания в течение нескольких недель в каком-нибудь мотеле. А потом свидетеля оставляли на произвол судьбы. И для такой свидетельницы, как Клэр, которая не могла доверять даже полицейским, единственным союзником было везение.

Клэр вспоминала о своей жизни с приемными родителями до того, как она оказалась в последней семье, как о прекрасном сне, и сама уже распрощалась с надеждой когда-нибудь иметь собственную семью. Конечно, она могла встретить хорошего человека, полюбить его, выйти за него замуж и даже завести детей, но к чему? Зачем создавать семью, если ей все время нужно остерегаться, как бы ее не нашли? Зачем подвергать опасности дорогих и близких людей? И вот она стала находить утешение, привязываясь душой к семьям своих пациентов. Она всеми силами пыталась ощутить себя их частицей, и иногда ей это удавалось. В остальное время она казалась себе листком, ветром

сорванным с ветки.

– Почти приехали, – сообщила она Джорджу, взглянув на стрелку навигатора GPS.

– Отлично! Поездка оказалась куда короче, чем мне казалось, когда я был мальчиком. В то время все ездили поездом.

Джордж не объяснял ей, почему он решил провести оставшееся ему время именно в этом городке, почему поехал сюда один, без родственников. Но она знала, что в свое время он расскажет ей об этом.

К концу жизни люди часто куда-нибудь уезжают, как правило, в очень важное для них место, с которым связаны дорогие воспоминания. Иногда это место, где они родились или где круто изменилась их жизнь. Некоторые едут в поисках последнего спокойного пристанища. Иные, напротив, торопятся закончить какие-то дела. Так или иначе, Клэр только предстояло узнать, что означал для Джорджа Беллами этот маленький сонный городок на берегу озера Уиллоу.

Дорога следовала изгибам затененной деревьями речки Скайлер, название которой крупными буквами было указано на дорожном знаке; впереди показался большой крытый мост через реку.

– Просто не верится, что это настоящий крытый мост, я их видела только в кино или на картинах.

– Он стоит здесь с тех пор, как я себя помню, – подавшись вперед, взволнованно произнес Джордж.

Клэр с любопытством рассматривала простой деревянный мост, навевавший ностальгию, как старинная песня, его покрашенные красной краской перила и крышу из строганных досок. Она прибавила скорость, заинтересовавшись маленьким городком, куда так нетерпеливо стремился ее пациент. Кто знает, может, он окажется приветливым и уютным, а вовсе не опасным местом...

Не успела она так подумать, как в зеркальце заднего обзора увидела вспышки полицейской мигалки, за которыми последовал вой сирены.

Клэр внезапно сковало холодом, кончики пальцев оледенели, кровь отлила от лица, и прежний страх мгновенно охватил ее.

Должно быть, Джордж понял ее состояние.

– Участие в автогонках не входит в список моих дел, – с нарочитой беспечностью заметил он.

– Что? – Клэр вдруг стало жарко, она покраснела и убрала ногу с педали акселератора.

– Я говорю про автогонки, – повторил он. – Я их не планировал. Я могу спокойно умереть и без этого приключения.

– Я останавливаюсь! Вы же видите, что я останавливаюсь? – сказала она, надеясь, что он не заметит ее нервозности.

– У вас голос дрожит.

– Я всегда нервничаю, когда мне приказывают остановиться. – Так она и заявил копу в машине. От волнения у нее стиснуло горло, сердце отчаянно колотилось. Она знала, как называется ее состояние, но Джорджу небрежно пояснила: – Меня это возбуждает. – Она затормозила и въехала на парковочную стоянку сбоку от дороги.

– Я вижу. – Джордж неторопливо вытащил из кармана кожаный бумажник, помеченный монограммой.

– Что вы делаете? – спросила она, на мгновение забыв о своих страхах.

– Подозреваю, что он хочет получить взятку. Распространенная практика в странах третьего мира.

– Только мы с вами не в стране третьего мира. Если помните, мы еще в пределах штата Нью-Йорк.

Патрульная машина, черная и сверкающая, продолжала мчаться с воем сирены, предупреждая окружающих, что преследует преступников.

– Уберите деньги, – строго сказала Клэр.

Он пожал плечами и спрятал бумажник.

– Я могу позвонить своему адвокату.

– Это преждевременно. – Она следила в боковое зеркальце за полицейской машиной. – Что они там копаются?

– Он – а может, она – проверяет записи о машине, чтобы узнать, связана ли она с каким-нибудь преступлением.

– А какая здесь может быть связь?

Машина была взята в аренду на имя Джорджа, по документам она числилась водителем по его доверенности.

Но что-то в его лице насторожило ее. Она перевела взгляд с зеркальца на пассажира.

– Джордж! – предостерегающе сказала она.

– Сначала послушаем офицера, – предложил он. – А потом можете на меня накричать.

Приближающийся коп, за которым Клэр следила в зеркальце, пробудил в ней безотчетный страх. Тщательно отутюженная форма, очки от солнца в серебристой оправе, чисто выбритое лицо и начищенные ботинки заставили ее съежиться.

– Права и регистрацию. – Тон его был не грубым, но спокойным и повелительным.

Похолодевшими пальцами она протянула ему свои права. И хотя они были в полном порядке, вплоть до отражающих водяных знаков, она затаила дыхание, пока он их изучал. На полицейском жетоне значилось его имя – Рейберн Толли, полицейский департамент Авалона. Джордж передал ей папку с документами на аренду машины, и она вручила ее полицейскому.

Клэр закусил нижнюю губу. Не нужно было сюда ехать, она допустила промах.

– В чем дело? – спросила она офицера Толли, с ужасом отметив, как дрогнул у нее голос. Хотя прошло уже много времени и ей не раз приходилось сталкиваться с копами, она не могла преодолеть свой страх перед ними. Порой ей внушал ужас даже школьный сторож.

Он выразительно посмотрел на ее дрожащую руку.

– Это вы сами мне скажете.

– Я нервничаю, – призналась она, давно приучив себя по возможности говорить правду. Это облегчало ее ложь. – Можете считать меня ненормальной, но я всегда нервничаю, когда меня заставляют остановиться.

– Мэм, вы превысили скорость.

– В самом деле? Простите, офицер я не заметила.

– Куда направляетесь?

– В лагерь «Киога», на озере Уиллоу, – ответил за нее Джордж, – а если она превысила скорость, то это из-за меня. Мне не терпится поскорее туда добраться, и, признаться, я отвлекал ее своими воспоминаниями.

Офицер Толли наклонился и посмотрел на пассажира.

– А вы?

– Вы начинаете меня раздражать, – заявил Джордж.

– Вы, случайно, не Джордж Беллами? – спросил коп.

– Да, но как вы...

– В таком случае, мэм, – обратился офицер к Клэр, – вынужден попросить вас выйти из машины. И держите свои руки на виду.

Сердце ее сжалось. Она страшилась этой минуты с тех пор, как узнала, что за ней охотятся. Это начало конца! Двигаясь, как заводная кукла, она лихорадочно размышляла. Подчиниться его приказу? Или попытаться сбежать?

– Послушайте, – возмутился Джордж. – Может, вы объясните, почему мы вас так интересуем?

– Джордж, человек исполняет свою работу, – сказала Клэр, надеясь этим умиловить копа. Дав ему знак сидеть спокойно, она подчинилась приказу и неловко вылезла наружу, придерживаясь за ручку дверцы.

Но полицейский воспринял вопрос Джорджа совершенно естественно.

– На станцию поступил звонок относительно вас и мисс... – Он заглянул в права, прикрепленные к его планшету. – И мисс Тернер. Звонок от члена вашей семьи. – Он посмотрел на распечатанный листок на планшете. – От Элис Беллами.

Клэр вопросительно оглянулась на Джорджа.

– Это моя невестка, – виноватым тоном пояснил он.

– Сэр, ваша семья очень за вас волнуется, – сказал коп и пристально посмотрел на Клэр.

За зеркальными стеклами очков она не могла разглядеть его глаза, но отлично видела свое отражение: средней длины темные волосы, большие темные глаза. Обыкновенное, как она надеялась, ничем не примечательное лицо. Она всегда стремилась к тому, чтобы быть незаметной, незапоминающейся. Забытой!

Она заставила себя принять спокойное выражение.

– А это преступление? – спросила она. – Иметь волнующихся родственников?

– Они не просто волнуются. – Офицер Толли положил руку на кобуру со служебным оружием. Она заметила, как он ослабил ремешок. – Семья мистера Беллами серьезно озабочена по поводу вас.

Она с трудом перевела дыхание. Семья Беллами была очень богатой. Может быть, эта невестка приказала тщательно проверить ее прошлое. И эта проверка обнаружила в прошлом Клэр кое-что подозрительное.

– Что именно вызывает их озабоченность? – едва выговорила она пересохшими от ужаса губами.

– О, постойте, не говорите. Я сам попробую догадаться! – сказал Джордж и оглушительно расхохотался. – Они думают, что вы меня похитили!

Глава 2

Международный аэропорт,

Кабул,

Афганистан

– Повтори, что она сделала? – закричал Росс в одолженный ему мобильный телефон.

– Извини, связь ужасная, – ответила его кузина Айви, звонившая из своего дома в Санта-Барбаре. – Она похитила дедушку.

Росс непривычно легко передернул плечами. Последние два года он таскал на себе двадцать фунтов веса обмундирования с бронежилетом и защитным

шлемом. Теперь он отправлялся домой, и эта тяжесть исчезла. Он сдал эту броню, стряхнув с себя, как личинка сбрасывает линялую шкурку.

Но, судя по словам кузины, на гражданке тоже было не безопасно.

– Похитила?! – невольно выкрикнул он. Страшное слова привлекло внимание, он махнул рукой, показывая, что все в порядке, и отвернулся от любопытных взглядов.

– Ну да! Мама говорит, он нанял какую-то медсестру по электронному объявлению, она похитила его и отвезла в какое-то отдаленное горное место в округе Ольстер.

– Бред какой-то, полная чепуха!

Впрочем, так ли это? Здесь, например, похищения происходят очень часто и редко заканчиваются благополучно.

– Что я могу сказать? – Айви будто оправдывалась. – Это все мама с ее склонностью все драматизировать.

Двоюродных брата и сестру с детства связывали очень близкие отношения, поскольку матери обоих отличались чрезмерной возбудимостью. Айви, на несколько лет моложе Росса, была скульптором-авангардистом и два года, пока он был в армии, переписывалась с братом по электронной почте, рассказывая ему о своих проблемах с матерью.

– И ты уверена, что тетя Элис преувеличивает? Ты не допускаешь, что она что-то подозревает?

– Может быть. Мама вечно подозревает все и вся. Сейчас она решила, что дедушка теряет рассудок. Всем известно, что опухоль в мозгу угнетает деятельность больного и он перестает здраво соображать. Когда ты будешь в Нью-Йорке? Ты нам нужен, а главное, ты нужен дедушке. Ты единственный, к кому он прислушивается. Кстати, а где ты сейчас находишься?

Росс окинул взглядом аэропорт, забитый солдатами, обменивающимися рассказами о перестрелках, террористах-смертниках, засадах на дорогах. Поездка сюда была его последним путешествием по территории Афганистана. Он все время молился, чтобы по пути ничего не случилось. Ему не хотелось стать героем одной из скорбных заметок в американской газете: «Он погиб в свой последний день службы во время налета на конвой...»

Он представил себе Айви в ее доме на горах над Хэндри-Бич, обставленном с богемной роскошью. В трубку доносилась песня из альбома группы «Крем». Наверное, готовит сейчас кофе в своей любимой кофеварке френч-пресс и смотрит, как к пляжу спускаются любители виндсерфинга.

– Я уже в дороге, – ответил он.

Солдаты, отправляющиеся домой, часами вынуждены торчать в этом аэропорту. Время тянулось раздражающе медленно. Их рейс был назначен на 14:00, но был отложен до 21:45. Им приказали вернуться в зал отправления и ждать этого времени. Но назначенное время уже прошло, и никто не удивился новой задержке.

– Росс! – окликнула его кузина. – Сколько тебе еще добираться?

– Я постараюсь поскорее. – Ему казалось, что он находится на другой планете. – А что там с дедом?

– Насколько я знаю, он проходил курс лечения в клинике Майо. А потом ему сказали... – Она замолчала, и он услышал, как она заплакала. – Они сообщили ему ужасную новость.

– Айви...

– Это неоперабельный рак. Думаю, даже моя мама не преувеличивает. Росс, он скоро умрет...

Россу почудилось, словно ему двинули под ребра, пару секунд он не мог вздохнуть, перед глазами все поплыло. Должно быть, это ошибка. Месяц назад Росс получил от деда обычное письмо. Джордж Беллами обладал интересной

старомодной манерой, даже в электронной почте каждое письмо начиналось с соответствующего заголовка и церемонного приветствия. Он вскользь упомянул о клинике Майо – «беспокоиться не о чем». Росс не удосужился как следует вчитаться в письмо. Он не стал углубляться, хотя не мог не понимать, что люди обращаются в эту клинику не для того, чтобы сделать маникюр. Он не позволял себе думать – о... боже! – о таком жутком диагнозе.

Дед всегда заканчивал свои письма одной и той же фразой: «Сохраняй спокойствие – и так держать!»

Так он жил, следуя своему девизу, и, видимо, так собирался умирать.

– А потом он заявил папе, что... – говорила Айви сквозь слезы. – Сказал, что больше лечиться не собирается.

– Он боится? – спросил Росс. – У него боли?

– Ну, это же дед! Он заявил, что собирается в какой-то городок в горах Кэтскилз, навестить своего брата. Я впервые слышу, что у него есть брат. Ты что-нибудь знал об этом?

– Постой! Что ты сказала? У деда есть брат?

В трубке раздался треск, и он услышал только вторую часть фразы:

– И когда мама услышала, что он задумал, она чуть с ума не сошла!

Закрыв одно ухо, чтобы не мешал гул голосов в зале, Росс вслушивался в рассказ кузины. Дед позвонил каждому из троих своих сыновей – Тревору, Герарду и Луису – и спокойно сообщил о своем диагнозе. Затем нанес им следующий удар, заявив, что намерен покинуть свой пентхаус в Манхэттене и уехать в какой-то забытый богом городок, где хочет увидеться со своим братом по имени Чарльз Беллами. Как Айви и Росс, большинство родственников понятия не имели, что у него есть какой-то брат. Как у него мог оказаться брат, о котором никто ничего не знал? Может, это был человек, которого держали в изоляции, как героя фильма «Человек дождя»? Или это всего лишь плод его расстроенного воображения?

– Значит, он направился в верхние штаты с какой-то подозрительной особой... Повтори ее имя.

– Ее зовут Клэр Тернер. Вроде бы какая-то медсестра или работник обслуживания больных на дому. Моя мама... наверняка и твоя тоже. Они считают, что она охотится за его деньгами.

Это всегда было первой заботой тетушки Элис и его матери, подумал Росс. Хотя они были деду только невестками, они всегда уверяли, что любят его, как отца. Возможно, так оно и было, но Росс подозревал, что гнев Элис вызван не столько исчезновением свекра, сколько тревогой за свою долю наследства. И наверняка те же опасения терзают и его мать, но это уже другой разговор.

– И они позвонили в полицию и просили их задержать, – продолжала Айви.

– В полицию?! – Росс сообразил, что снова сильно повысил голос, и повернулся ко всем спиной, озадаченно потирая коротко стриженную голову. – Они позвонили в полицию? – Черт побери! Видно, им удалось убедить полицию в том, что дед находится в обществе незнакомки, которая задумала недоброе.

– Они не знали, что делать. Слушай, Росс, я так волнуюсь за дедушку, так за него боюсь! Я не хочу, чтобы он пострадал, не хочу, чтобы он умер. Пожалуйста, Росс, приезжай скорее домой, прошу тебя...

– Я попросил срочное увольнение, – заверил он кузину. Правда, пока что обещанное внеочередное отправление с базы ничем ему не помогло.

Айви думала, что его возвращение станет для деда чудодейственным лекарством. Но Росс давно отвык надеяться на чудеса.

– Когда ты летишь в Нью-Йорк? – спросил он, но связь уже прервалась. Он закрыл крышку мобильного и вернул его Мэнни Ширазу, уорент-офицеру, который одолжил ему телефон, когда в его сотовом сели батарейки.

– Домашние проблемы? – задал ему Мэнни обычный для солдат вопрос, покидающих службу.

Росс кивнул:

– Бог видит, мне нужно лететь домой и выяснить, все ли там в порядке.

– Добро пожаловать в нашу компанию, парень.

Издали казавшаяся идиллической домашняя жизнь обычно оказывалась мифом, но каждому, кто торчал в этом зале, не терпелось вернуться домой. Здесь были мужчины и женщины, не видевшие свою семью год или больше. У кого-то родились детишки, чьи-то малыши делали свои первые шаги, у кого-то распадался брак, проходили каникулы, отмечались дни рождения, умирали родственники – и все это без них! Понятно, что все они жаждали скорее вернуться к прежней жизни.

Росс тоже хотел, хотя у него на родине не было ни жены, ни детей, которые считали бы часы до его возвращения. Одна мать, Уинифред, человек взбалмошный и целиком занятый собою. И конечно, дед.

Джордж Беллами стал Россу другом и опорой с того момента, когда в 1994 году к ним в дом постучался сотрудник службы помощи пострадавшим, прибыв лично, чтобы сообщить Уинифред и ее сыну, что Пирс Беллами погиб во время операции «Буря в пустыне». Дед прилетел из Парижа в Нью-Йорк на «конкорде», которые в то время еще летали.

Он примчался сразу, чтобы поддержать внука. Дед прижал его к груди, и оба заплакали. В тот день дед сказал: «Я всегда буду с тобой, можешь на меня рассчитывать».

Они тянулись друг к другу, как единственные выжившие после цунами. Мать Росса практически не занималась сыном, бурно переживая свое горе. Впрочем, Уинифред оправилась после утраты достаточно быстро и повторно вышла замуж и усыновила двух пасынков, Донни и Денизу. Росса отправили в школу в Швейцарии, потому что он с трудом ладил с отчимом и сводными братом и сестрой. Американская школа в Швейцарии давала блестящее образование. Его мать убедила себя, что почтенное учебное заведение воспитает ее сына гораздо лучше, чем она сама.

Росс так тяжело переживал смерть отца, что ничего не соображал. Правда, однажды ему захотелось спросить мать: «Неужели это нормально – заявить ребенку, только что потерявшему отца: «Закрытое учебное заведение – это как раз то, что тебе нужно!»

Впрочем, может, она была права? Учиться в знаменитой школе для американских ребят оказалось так же увлекательно и интересно, как в Академии чародейства и волшебства Хогвартс. И хотя тогда он этого не понимал, но вполне возможно, что долгая разлука с родными и привычка к одиночеству подготовили его к трудной службе в зоне боевых действий.

То, что после смерти отца мальчика отослали из родного дома за океан, могло тяжело отразиться на его психике, но в его сиротском положении была одна большая радость – дед. Он жил и работал в Париже и почти каждые выходные приезжал в Лугано, чтобы навестить Росса. Наверное, дед даже не сознавал, что своей любовью и вниманием спас внука. Росс закрыл глаза и представил себе внушительную и подтянутую фигуру деда. Несмотря на белоснежную седину, он никогда не казался ему старым.

Отправляясь на военную службу, Росс пообещал деду вернуться.

Дед отреагировал совсем не так, как он ожидал: отвел взгляд и сказал: «Твой отец тоже обещал вернуться». Чтобы дед сказал такое в минуту прощания! Но Росс понимал, что дед просто боится, что он тоже погибнет.

Он стал расхаживать по залу, чтобы успокоиться. В армии часто приходилось ждать, но он так и не привык к этому. Когда Росс объявил о своем решении служить своей стране, он понимал, что растравляет деду так и не зажившую душевную рану от потери Пирса. Но Росс считал себя обязанным пройти военную службу. И после долгих раздумий окончательно убедился в необходимости пойти по стопам своего отца.

Росс начинал взрослую жизнь избалованным парнем, не зная отказа в своих желаниях, не имея никакой цели. Ему все давалось легко – учеба, женщины, друзья – вероятно, слишком легко. После окончания колледжа он долго болтался без дела, не зная, куда приткнуться. Заводил короткие связи с женщинами, от скуки посещал летнюю школу. Но в конце концов решил заняться чем-нибудь серьезным. И в двадцать восемь лет появился в комиссии набора солдат. Члены

комиссии удивились его возрасту, но применение ему нашли довольно легко – у него была лицензия на право пилотирования нескольких типов вертолетов, и он свободно говорил на трех языках. Только в армии он по-настоящему понял, что значит жизнь. Пилотирование вертолета в боевой зоне было делом опасным и трудным, и это вызывало в нем чувство удовлетворения. Но, откровенно говоря, он не мог сказать, что военная служба как-то приблизила его к отцу.

Наконец первую группу солдат повели к самолету. Еще через час автобус вернулся за оставшимися. Поднимаясь на транспортный самолет, Росс не спешил радоваться: предстояло еще погрузить черные ящики, вещмешки и большие спортивные сумки солдат. На это ушел еще час.

На борт поднялась молоденькая девушка – лейтенант морской службы – и уселась через проход напротив Росса. Она одарила его ослепительной улыбкой, затем взяла модный глянцевый журнал со статьями о косметике. Росс попытался читать «Роллинг стоунз», но мысли его бродили вдалеке.

Примерно через час полета девушка прижалась лицом к иллюминатору, загородившись от света в салоне ладошками.

– Мы уже за пределами Афганистана.

Было слишком темно, чтобы видеть землю, но в круглое оконце четко виднелась Большая Медведица. Дед много рассказывал Россу о звездах. Когда ему было лет шесть или семь, дед взял его в плавание по проливу Лонг-Айленд-Саунд. На легко скользящей яхте были только он и дед. Росс только что получил значок бойскаута младшей группы, и дед решил это отпраздновать. У буфетной стойки они пообедали роллами из лобстера, горячим жареным картофелем, который им подали в бумажных кульках, и шипучкой. Затем весь вечер, до самой темноты плавали по проливу.

– Это там рай? – спросил деда Росс, показывая на сияющую полосу Млечного Пути.

А дед обнял его за плечи, потом сжал ему руку и сказал:

– Рай здесь, сынок, в тебе.

На военно-воздушной базе Манас в Киргизстане, где холодный воздух был пропитан запахами трав, они приземлились для пересадки. Во время трехчасового ожидания багажа он безуспешно пытался дозвониться деду, матери или Айви, а потом пошел в столовую подкрепиться. Несмотря на полночный час, в зале было тесно и шумно. Со странным чувством Росс поглядывал на плакаты, призванные поднять боевой дух солдат, объявления о благотворительных акциях, рекламы ознакомительных туров, приглашения посетить гольф-клуб, посетить салон спа-услуг – все это казалось ему таким же непривычным и забытым, как порция настоящего французского бренди. Хотя до армии, благодаря деду, он ни в чем себе не отказывал. Росс возвращался домой очерстневшим и ожесточенным тем, что видел и делал на войне. Но главное, он держал обещание, данное деду.

«Прошу тебя, дед, не умирай! Подлечись, как раненый солдат, и мы снова будем с тобой вместе радоваться жизни». На следующей пересадке в Баку ему захотелось сбежать с военного транспортного самолета и лететь дальше в качестве гражданского пассажира, но он подавил это желание и терпеливо ждал рейса в ирландский аэропорт Шэннон. Сейчас он никак не мог позволить себе сойти с тропы. Потому что дед, похоже, действительно выжил из ума, если отказался продолжать лечение и поехал к какому-то брату, о котором никогда не рассказывал.

За время службы Росс видел, как врачи вылечивают солдат, но то были раны от разрыва гранаты или от пули. А у деда – опухоль в мозгу. Росс все время вспоминал сцену, которую видел во время последней операции по эвакуации раненых. Мальчик, ласково поглаживающий раненого в руку старика и что-то напевающий ему на ухо в том жалком домишке, где они оказались запертыми, как в ловушке. Несмотря на то что война оставила этих мирных афганцев ни с чем, от них исходило какое-то безмятежное спокойствие. Он так и не узнал, что с ними стало; редко удавалось попасть в одно и то же место, к тому же это был его последний боевой вылет.

Однако ему очень хотелось бы знать, как они там.

– Что ж, – усмехнулся Джордж, пристегивая ремень безопасности. – Должен сказать, приключение было довольно интересным.

Стараясь овладеть собой, Клэр выехала на дорогу.

– Я тоже вполне обошлась бы и без него.

Она вела машину медленно и осторожно, как будто за ней продолжали следить.

А Джорджа, казалось, эта встреча с копом нисколько не смутила. Он вежливо подчеркнул, что находится в свободной стране и если кто-то из членов его семьи встревожен, это вовсе не значит, что он нарушил какие-то законы.

Офицер Толли подробно расспросил их, но, к огромному облегчению Клэр, его больше интересовала безопасность Джорджа. Спокойные, откровенные ответы старика помогли благополучному исходу этой встречи.

– Молодой человек, – заявил он, – хотя мне было бы очень приятно быть похищенным красивой женщиной, к сожалению, это не тот случай.

Клэр предъявила полицейскому выданную штатом лицензию и сертификат медицинской сестры, стараясь выглядеть спокойной и вежливой, обыкновенной женщиной. В этом она достаточно напрактиковалась.

Видимо, ее усилия не пропали даром, потому что в конце концов полицейский не нашел оснований для их задержания и даже пожелал им счастливого пути.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросила она своего пациента, заведя впереди автозаправку. – Может, остановимся здесь?

– Нет, благодарю вас. Мы же почти у цели, не так ли?

Она указала на экран навигатора:

– Если верить ему, осталось всего 11,7 мили.

– В детстве, – сказал Джордж, – мы с родителями садились на вокзале Гранд-Сентрал на поезд и ехали до Авалона. Оттуда нас доставлял в лагерь «Киога» старенький дребезжащий автобус. – Он помолчал, затем вдруг сказал: – Извините меня.

– За что?

– За то, что начал рассказ с этих слов – в детстве. Боюсь, вам слишком часто придется это слышать.

– Вам вовсе не нужно извиняться. Все истории с чего-то начинаются.

– Это верно. Но моя история никому не интересна.

– Жизнь каждого человека по-своему интересна.

– Вы очень любезны. И я уверен, что ваша жизнь – не исключение. Буду рад услышать вашу историю.

Клэр молчала, внимательно следя за изгибами проселочной дороги, что вела их к Авалону, маленькому городку на берегу озера.

Какую Клэр показать этому доброму, обреченному старику? Блестящую студентку медицинского колледжа? Одинокую женщину, не имеющую ни своего угла, ни вещей, вынужденную часто менять место работы? Не разгадал ли он ее, не разглядел ли в ней неприкаянное существо, прячущееся за маской благополучия? Однажды одна ее пациентка все-таки заподозрила, что у нее «что-то не так».

Вот потому она и стала работать исключительно с безнадежно больными, целиком погруженными в свои переживания. Причина звучит мрачновато, но что поделаешь!

– Поверьте, я далеко не интересный человек, – постаралась она быть как можно убедительней.

– Не могу с вами согласиться. Например, ваша работа. Я нахожу очень интересным, что молодая женщина выбрала себе такую работу. Как это произошло?

На это у нее был готовый ответ:

– Просто мне всегда нравилось помогать людям, заботиться о них.

– Но об умирающих, Клэр? Должно быть, с ними бывает очень тяжело, не так ли?

– Потому обычно я и выбираю себе пациентов из старых богатых зануд, – с самым невозмутимым видом ответила она.

– Ха! Что ж, я это заслужил. И все равно, мне очень интересно. Вы женщина чрезвычайно красивая и молодая, а это наводит на мысли...

Клэр не хотела, чтобы он о ней думал. Она была очень замкнутой – не потому, что ей так нравилось, а потому, что ей надо было заботиться о своей безопасности. Вся ее нынешняя жизнь состояла из постоянной лжи и тайны, которую она никому не могла открыть. Те факты ее биографии, которыми она позволяла себе делиться, были незначительными и довольно обычными, вроде тех, о которых упоминают во время разговоров на коктейлях – хотя ее никогда не приглашали на коктейли. Ее истинная личность оставалась скрытой, и, наверное, это к лучшему. Кому интересно знать о бесконечных ночах, когда ее охватывали такое острое одиночество и пустота, будто ее выскребли изнутри? Кому интересно знать, как она тоскует по ласковому прикосновению чьей-то руки? Кто сможет понять, до чего же порой ей хочется сбросить и навсегда расстаться со своей маской?

В ранней юности она бесследно исчезла, что уберегло ее от смерти. Шло время, но опасность, что ее найдут, по-прежнему оставалась, вынуждая ее продолжать скрываться под чужим именем. И только много позднее она поняла, как тяжело отказаться от всего, что было твоим, тем более от самой себя.

– Давайте лучше поговорим о вас, – предложила она.

– Я никогда не мог устоять перед загадочной женщиной. И я открою вашу загадку, даже если это будет стоить мне жизни! – с шутливым пафосом заявил Джордж.

Клэр находила, что хорошее настроение полезно ее клиенту, даже в его обстоятельствах.

– Вы можете лучше использовать оставшееся вам время, Джордж, не стоит копаться в моем прошлом. Я бы предпочла послушать о вас. Так или иначе, это лето посвящено вам.

– И вам не кажется это тоскливым? Возиться со стариком и ждать, когда же он умрет?

– Если говорить серьезно, то будет гораздо лучше, если вы посвятите это лето своей жизни, а не смерти.

– Моя семья считает, что вы мне не подходите.

– Я поняла это, когда узнала, что они позвонили в полицию. Может быть, они правы. Посмотрим.

– До сих пор у нас с вами все идет прекрасно. – Он помолчал. – Не правда ли?

– Вы же меня только наняли. Мы провели вместе всего три дня.

– Да, но какие три дня! В том числе это долгая поездка. По тому, как человек ведет себя в машине, о нем многое можно сказать. А мы с вами явно ладим. – Снова пауза. – Вы молчите... Значит, не согласны со мной?

Клэр старалась, когда возможно, говорить правду. В ее жизни и так было слишком много лжи.

– Ну, – смущенно сказала она, – когда мы проезжали Покипси, вы пели.

– Во время поездки все поют. Это типично по-американски.

– Ладно, не обращайтесь внимания.

– Неужели я так плохо пел?

– Ужасно, Джордж!

– Черт! – Он перелистал несколько страниц в блокноте.

– Но это же далеко не всем дано!

– Да нет, я вовсе не сержусь за то, что вам не понравилось мое пение. Но вы заставили меня отказаться от одного из пунктов моего плана. Ага, вот он! Я хотел исполнить для моей семьи одну песню.

– Спойте обязательно!

– Зачем? Чтобы, услышав мое пение, они перестали сокрушаться о моей близкой смерти?

– Мне кажется, вам нужна небольшая поддержка в виде аккомпанемента и чтобы кто-нибудь пел вместе с вами. Тогда у вас отлично получится.

– А вы согласитесь?

– Нет, я вообще не пою. Но я найду человека, который вам поможет.

– Я как раз хотел попросить вас об этом.

Это очень просто, подумала она, достаточно найти кафе с караоке. И уговорить приехать сюда всю его семью... М-да, а вот это, наверное, будет уже не так легко.

– Судя по нашей встрече с дружелюбным офицером полиции, ваши родственники решительно мною недовольны, – заметила она.

Самой ей это было безразлично, она думала только о своем пациенте. Однако всегда лучше, если родственники одобрительно относятся к нанятой медсестре, в противном случае они могут все осложнить. Все-таки хорошо, что у нее нет никаких родственных связей – в ее ситуации это было совершенно лишним.

Она часто пыталась себе представить, каково это иметь семью, – так тяжелобольной диабетик размышляет о пирожном. Надеяться на это она не могла, но ведь мечтать не запрещено! Иногда она тайком посещала семейные сборища – празднование окончания школы или колледжа, свадьбы на открытом воздухе, порой даже похороны – просто посмотреть, что значит – иметь родственников. Ее притягивали некрологи в газетах, особенно длинный перечень родных покойника. Этот интерес самой ей казался жалким, но ведь вреда она никому не причиняла.

– Просто они поспешили с выводами, ведь они вас еще не видели, – возразил Джордж.

– Просто вы слишком быстро все это устроили.

– А иначе они помешали бы мне. Сказали бы, что мы с вами не подходим друг другу, что мы с вами слишком разные.

– Чепуха! Вы – голубая кровь, а я – синий воротничок. Так что дело только в оттенке одного и того же цвета.

– Вот именно.

– Все мы одной расы, – добавила Клэр.

– Только я ближе к финишу.

– Мне казалось, мы решили думать о более позитивных вещах.

– Простите.

– Все будет хорошо, – заверила она.

– Но для одного из нас это кончится плохо.

– Тогда давайте не думать о конце.

Когда люди узнают о поставленном им страшном диагнозе, как правило, все они переживают сначала шок, потом возмущение, затем отказываются верить в диагноз и так далее. Все, кто работает в этой области медицины, знакомы с этими состояниями. Но на практике каждый пациент по-своему переходит из одной стадии в другую.

Многие пациенты держатся довольно мужественно, не веря в правильность диагноза или демонстрируя презрительное отношение к смерти. Но Джорджа, казалось, совершенно не угнетало его состояние. Клэр нравился его своеобразный юмор, хотя она понимала, что с его помощью он преодолевал жалость к себе, сознание своей обреченности, страх перед смертью. Со временем эти чувства могли полностью овладеть им, но могли до самого конца оставаться скрытыми в его душе. Задача Клэр как раз и заключалась в том, чтобы помочь ему пройти через все эти стадии.

Все ее предыдущие клиенты жили в городах, где она легко могла затеряться в толпах народа. Она впервые ехала в такой маленький городок, уединенный и старомодный, скорее похожий на иллюстрацию к историческому роману. Еще издали он напоминал какой-нибудь тематический парк – очаровательные лужайки с живописно разбросанными фермами и разноцветными коттеджами в окружении деревьев.

– Авалон, – прочитала она, проехав очередной плакат, на этот раз с хитроумным геральдическим гербом. – Интересно, его назвали по легенде о короле Артуре? – В подростковом возрасте она много читала, находя в книгах убежище от своих страхов и неуверенности. Одна из ее приемных матерей преподавала английский язык и приучила ее интересоваться историей, извлекать из нее поучительный опыт.

– Думаю, основатели деревушки имели в виду тот самый Авалон, куда Артур поехал умирать, – ответил Джордж.

– Это не совсем так. Авалоном назывался остров, где был выкован меч Экскалибур и куда был перенесен Артур, чтобы оправиться от ран, полученных в

последнем сражении.

– А! Но разве он выздоровел?

Клэр искоса посмотрела на него:

– Еще нет.

Обычно, оказываясь в новом для нее месте, первым делом она старалась сориентироваться. Привычка заранее прикидывать путь побега стала ее второй натурой, ибо с подросткового возраста окружающий мир представлял для нее опасность. И Авалон не был исключением. Для большинства людей такое уютное местечко со старомодными домами и живописными окрестностями казалось картинкой из прошлого Америки. Обсаженные деревьями улицы, более похожие на бульвары, вели к прелестному центру города, где жители прогуливались по широким тротуарам, рассматривая витрины магазинов.

Для Клэр же эта милая деревушка была не менее опасной, чем край утеса. Достаточно сделать один неверный шаг – и она погибла. Она уже предчувствовала, что здесь ей будет трудно скрываться, особенно теперь, когда она познакомилась с представителем местной власти.

Она запоминала расположение станции железной дороги, главную площадь со множеством заманчивых магазинчиков и уютных ресторанов с полосатыми тентами. В центре большого парка расположилось красивое кирпичное здание – публичная библиотека Авалона. Вдали виднелось само озеро, спокойное и голубое, как на почтовой открытке.

Было уже далеко за полдень, и косые лучи солнца падали на деревушку, золотя крыши и удлиняя тени домов и прохожих. На фасадах украшенных резьбой старых каменных домов были указаны даты постройки: 1890, 1909, 1913. Афиша извещала о предстоящем первом матче местной бейсбольной команды «Хорнетс» со своим противником, перед которым будет устроено барбекю.

– Вы фанат бейсбола? – спросила Клэр.

– Да, и отчаянный! Одно из моих самых любимых воспоминаний – это как мы с отцом и братом ходили на стадион «Янки». В 1950 году на наших глазах «Янки» обыграли «Филадельфийцев» в чемпионате США. Йог Бера в той игре забил незабываемый хомер. – Глаза его заволоклись грустью. – Однажды мы видели, как Гарри Трумэн сделал первую подачу сезона. Насколько я помню, он умел подавать и левой и правой рукой. Я часто мечтал начать игру, но мне так и не выпало это счастье.

– А вы запишите это в свой список, Джордж. Кто знает, может, вам теперь повезет.

Они проезжали мимо отделения банка, протестантской церкви, бутиков одежды, спортивных товаров и книжного магазина под названием «Камелот-букс». Затем следовали магазин под названием «Лепестки Жужу» и новое здание с огромным баннером над входом, извещающим об открытии салона «Свадебные покупки Иоланда», на верхних этажах которого расположились офисы педиатра, дантиста, адвоката и директора похоронного бюро.

Удобно, подумала Клэр, все в шаговой доступности. Человек может здесь родиться и умереть, ни разу не выехав за пределы городка.

Но ей такая жизнь представлялась чем-то невероятным.

У перекрестка она остановила машину и смотрела, как улицу переходит темноволосый мальчик, ловко перебрасывая из руки в руку бейсбольный мяч. Из медицинского центра на углу вышла белокурая беременная женщина. Местные жители ничем не отличались от тех, кого ей приходилось видеть в других городах, – разного роста и возраста, старые и молодые, худые и толстые, веселые и озабоченные. Да, да, люди повсюду одинаковы, думала она. У каждого своя жизнь, они влюбляются, ссорятся, радуются и горюют, прибавляя к своей жизни год за годом. И жители Авалона были такими же, как все, просто они жили в очень красивом местечке.

– Ну, Джордж? Как вам все это нравится?

– Городок почти не изменился со времени моего последнего приезда. Я был уверен, что ничего здесь не узнаю. – В волнении он машинально сжал свой блокнот. – Думаю, я хотел бы умереть в Авалоне. Да, да, будет лучше, если это

случится именно здесь.

– А когда вы в последний раз его видели? – спросила она, намеренно игнорируя его заявление.

– 24 августа 1955-го, – сразу ответил он. – Я уехал отсюда поездом в 4:40 и не думал, что увижу его снова только через пятьдесят пять лет.

Что же привело его в этот город спустя столько времени?

– Не могли бы вы остановиться вот здесь? – попросил ее Джордж. – Мне нужно зайти в эту кондитерскую. Я был здесь, когда приезжал в последний раз.

Она въехала на просторную стоянку. В хорошие дни Джордж передвигался довольно уверенно, и как раз сего дня он чувствовал себя хорошо. Однако они находились в новом месте, и Клэр решила его проводить, не желая испытывать судьбу.

На стене кондитерской и кафе «Скай-Ривер» была выведена от руки дата основания заведения: «1952». Погода стояла по-весеннему теплая, и тротуар был занят столиками под зонтами. Посетители явно наслаждались прохладительными напитками и старомодными на вид булочками.

Клэр обошла машину и открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья. Опыт научил ее, что главное в работе с пациентом – уважительное к нему отношение при соблюдении собственного достоинства.

Хотя они везли с собой кресло-каталку, Джордж предпочел воспользоваться тростью, обычной палкой с резиновым наконечником. Она помогла ему выйти, и они немного постояли, оглядываясь вокруг. Лицо его утратило обычное, слегка насмешливое выражение, и сейчас он казался Клэр каким-то робким и растерянным.

– Джордж? – озабоченно спросила она.

– Я... Я нормально выгляжу?

Она едва удержалась от улыбки, настолько ее тронуло его беспокойство. У всех есть свое уязвимое место!

– Я как раз подумала, что сегодня вы удивительно хорошо выглядите. И мне приятно сказать вам правду, а не притворяться.

– А вы стали бы притворяться, даже если бы я выглядел плохо?

– Ну, это зависит от ситуации. Мне приходилось успокаивать пациентов и говорить, что они выглядят хорошо, даже если это было не так.

– И они не догадывались, что вы их обманываете?

– Люди всегда видят то, что им хочется. К счастью, вам мне нет нужды лгать. Вы действительно производите хорошее впечатление, тем более при вашем росте, красивой внешности и в этой одежде спортивного стиля. Кстати, вам очень идет это кепи с козырьком. Вы вообще одеваетесь поразительно элегантно.

– Благодарю вас. Это у меня от отца, Паркхерста Беллами. Он всегда одевался как подобает джентльмену, даже если просто собирался пойти в булочную. Он отвез меня с братом в Лондон, где нам впервые сшили на заказ костюмы у Генри Пула, на Савил-Роу. Я по-прежнему заказываю одежду именно там.

– Что значит – на заказ?

– Это значит, с нас сняли мерки и сшили костюмы точно по фигуре. – Он поглядел на свое отражение в витрине. – Окажите мне услугу. Если я дойду до такого состояния, о котором говорят «в чем только душа держится», не раздумывайте и смело мне солгите.

– Договорились. – Она неуверенно помолчала. – Значит, вы хотите увидеть в булочной кого-нибудь из знакомых?

Джордж грустно улыбнулся:

– После стольких-то лет? Вряд ли. С другой стороны, никогда не лишне приготовиться даже к самому невероятному. – Он расправил плечи и сжал ручку

трости. – Идете? – Он галантно придержал для нее дверь.

У Клэр буквально слюнки потекли от аппетитного аромата свежеиспеченного хлеба, сдобных булочек, пирожных, фруктовых пирожков и фирменных колачей[1 - Это именно колачи, они другой формы, нежели русский калач. (Примеч. ред.)] – пышных сдобных булочек с джемом и сладким сыром.

Из двух небольших динамиков негромко лились гармоничные голоса «Индиго гёрлс», исполнявших под гитару одну из своих меланхоличных песен. Заведение было эклектично, но эффектно оформлено: на полу черно-белая плитка, уложенная в шахматном порядке, стены окрашены солнечной желтой краской. На одной стене висели часы в виде кошки: она водила глазами из стороны в сторону в такт маятнику, которым служил ее хвост. Рядом – доска с написанным от руки меню. На стенке за стойкой помещенные в рамки красовались долларовая купюра, лицензия и еще какие-то официальные документы. Боковую стену украшали поблекшие фотографии и вырезки из газет, в том числе статья почти шестидесятилетней давности, посвященная открытию кондитерской.

Джордж выделялся среди суетливых посетителей заведения своей броской внешностью и грустной задумчивостью; нетерпеливое волнение, время от времени прорывавшееся в нем во время поездки, улеглось. Он встал в небольшую очередь перед главной стойкой и, добравшись до нее, смело пренебрег режимом питания и заказал капучино, колач и мороженое с кленовым сиропом. Кроме того, взял на вынос коробку булочек с солью и клубничный пирог.

Клэр ограничилась чашкой холодного чая со сладкой травкой стевией.

Они уселись за боковой столик, поверхность которого была застелена большим рекламным постером, изображающим идиллическую сценку у озера. Заказ принес официант в испачканном мукой переднике, с указанным на беджике именем Зак, с волосами необыкновенно светлыми, почти белыми, как у альбиноса. Они не были крашеными – Клэр так часто меняла цвет своих волос, что сразу это поняла.

– Приятного аппетита, – сказал он, накрывая на стол.

– Вы ничего себе не взяли. – Джордж выразительно посмотрел на ее чашку. – Как вы можете удержаться от того, чтобы не попробовать здешние кулинарные

шедевры?

– О, поверьте, я бы с радостью отведала все эти аппетитные булочки, но не могу себе позволить такой роскоши. Я слишком легко набираю вес. Так что мне приходится следить за каждым кусочком.

– Поразительное самоотречение!

Она внутренне усмехнулась. Разве вся ее жизнь не состояла из сплошных запретов? Не могла же она сказать ему, что соблюдает диету не только ради внешнего вида, но, главное, потому, что для нее это был вопрос выживания. В детстве она пыталась заглушить свой дискомфорт едой и в результате здорово растолстела. Старшие классы запомнились ей как сплошной кошмар – над ней издевались, всячески дразнили, она сама понимала, что выглядит ужасно и что ее попечителям трудно найти семью, которая захотела бы взять ее на воспитание.

Когда все рухнуло и ей пришлось скрываться, она поняла, что должна изменить свою внешность. Помимо того что она покрасила волосы и сделала новую стрижку, стала по-другому одеваться, вести себя и разговаривать, ей необходимо было сбросить вес. Благодаря юному возрасту и волнениям это ей быстро удалось. С тех пор она тщательно следила за своей фигурой, зная, что стоит съесть булочку, которую протягивает ей Джордж, как все ее старания пойдут прахом.

Но с ее мотивацией – во что бы то ни стало выжить – ей ничего не стоило отказаться.

– Благодарю вас. Не обращайтесь на меня внимания и наслаждайтесь от души!

– А вы чем будете наслаждаться?

– Удовольствием, с каким вы едите колач.

Он пожал плечами:

– Теперь, когда мне осталось так мало жить, я могу себе это позволить. Ох, простите, мне не стоило это говорить.

– Джордж, говорите все, что вам вздумается, и делайте все, что угодно. Вот как вы должны провести это лето.

– Ваш подход мне нравится. С удовольствием жил бы так всю жизнь. – Отломив ломтик булочки, он положил его в рот и зажмурился от удовольствия. Затем открыл глаза и поймал на себе ее взгляд. – Что ж, у меня есть хорошая новость и плохая новость. Плохая новость – я не спешу оказаться в раю. Хорошая – я уже вкушаю райскую пищу.

– Судя по навигатору, лагерь находится отсюда всего в десяти милях, так что в этих булочках у вас не будет недостатка.

– Правда, это невероятно вкусно. Неужели мне не удастся уговорить вас попробовать хотя бы одну?

– Ни за что! Приятно знать, что в этом раю каждый день пекут колачи. Сделайте одолжение, съешьте еще кусочек – за меня.

Она медленно пила чай и посматривала вокруг. Еще одна навязчивая привычка – проверять, не привлекает ли она к себе внимание, и прикидывать пути к побегу – вращающаяся дверь позади стойки и главный выход на улицу. Не увидев ничего подозрительного, она стала рассматривать художественные снимки на стенах.

– Какой прекрасный снимок озера Уиллоу!

– Действительно, – согласился Джордж.

На фотографии была запечатлена безмятежная луна и залитое ее призрачным светом озеро в обрамлении ив, склонивших над ним свои гибкие ветви. Она обратила внимание на подпись автора фотографии.

– Дэзи Беллами! Джордж, это ваша родственница?

– Возможно. – Губы его тронула легкая улыбка. – Поразительная вещь! – воскликнул он, запивая булочку глотком капучино. – Я столько лет следил за уровнем холестерина, а в результате умру вовсе не от болезни сердца. – Он попробовал мороженое. – Знать бы раньше!

Клэр не стала его убеждать, что одной из причин отсутствия у него проблем с сердцем могло быть строгое соблюдение диеты.

– Я могу даже начать курить! – усмехнулся он, вытирая губы платком. – Ни сигареты, ни сигары не причинят мне смертельного вреда. Могу спокойно себе курить, не испытывая чувства вины.

– Делайте все, что доставляет вам удовольствие.

– Этим я и занимаюсь.

– Чем?

– Тем, что доставляю себе сплошные удовольствия. Всю жизнь я твердил себе, что однажды стану счастливым.

– И вот этот день настал.

– Это трудно, – тихо сказал он.

– Быть счастливым? Ну-ка, объясните. – Она взяла его за руку и повела к выходу. – Пойдемте, Джордж, купим вам сигары.

Покинув городок, они поехали дальше. Теперь их путь пролегал вдоль озера. Послеобеденное солнце заливало все вокруг мягким оранжево-розовым сиянием. Клэр хранила молчание, несколько подавленная этой невероятной красотой, вызывающей смятение в ее душе.

«Какая-то неправдоподобная красота», – думала она.

– Удивительно, как разросся лес, – заметил Джордж. – Раньше здесь все было вырублено. Хорошо, что леса восстанавливают, просто замечательно.

По мере приближения к пункту назначения – лагерю «Киога», где в детстве Джордж проводил летние каникулы, его возбуждение нарастало. Он взволнованно показывал Клэр места, которые до сих пор помнил, – высокую скалу, откуда открывалась просторная панорама окрестностей, водопад, мостик, висящий над ним на головокружительной высоте.

Наконец они оказались на дороге, с обеих сторон окруженной густым лесом. Под покровом листвы царил полумрак, и Клэр впервые почувствовала себя в безопасности, хотя она могла оказаться обманчивой. Вскоре они увидели лагерь с основным зданием и постройками, живописно раскинувшимися вдоль северного берега озера.

Перед поездкой Клэр просмотрела рекламный проспект и сайт лагеря «Киога», поэтому немного представляла себе его историю. Лагерь достиг своего расцвета к середине XX века, когда сюда стали приезжать на отдых целыми семьями, спасаясь от городского зноя и пыли. Несмотря на то что недавно он был заново отстроен, в нем бережно сохранили все, что связывало его с прежними временами, – все строения, в том числе домики для гостей, были из бревен или каменные, надписи от руки на вывесках и знаках, разросшийся парк, деревянные причалы для яхт и каноэ. Управляли лагерем супруги Оливия и Коннор Дэвис.

Любуясь старомодным лагерем на берегу живописного озера, Клэр с тоской представила себе запретную для нее сцену радостной встречи с каким-нибудь давним знакомым... Господи, какое это было бы счастье, если бы ей больше не нужно было скрываться!

Под колесами захрустел гравий – они уже ехали по кольцевой подъездной дорожке, что вела к главному зданию. Над садом с цветочными клумбами и подстриженным кустарником развевались три флага: государственный флаг США, флаг штата Нью-Йорк и еще один, незнакомый ей.

– Это флаг лагеря «Киога», – пояснил Джордж. – Приятно видеть, что его не сменили.

На нем был изображен вигвам у озера на фоне голубых гор.

Она остановила машину перед входом в бревенчатое здание и вышла помочь Джорджу. Вокруг никого не было видно. Было только начало сезона и к тому же будний день.

Через несколько минут к ним подошел, стягивая брезентовые рукавицы, работавший в саду подросток в синем комбинезоне.

– Добро пожаловать в лагерь «Киога», – сказал он, когда Клэр открыла для Джорджа дверцу автомобиля. – Меня зовут Макс. Могу я предложить вам руку?

– Благодарю вас, молодой человек, – сказал Джордж. – Может, после того, как мы войдем, вы поможете внести наш багаж.

– Разумеется. – Макс внимательно посмотрел на него и открыл перед ними дверь.

Клэр чувствовала, как напрягся Джордж, когда они вошли в холл гостиницы с бревенчатыми стенами, декорированными вставками из речного камня. Из огромного камина приятно тянуло дымком.

Помещение для регистрации гостей с простой деревенской мебелью, украшенное картинами и статуэтками в стиле примитивизма, производило впечатление, что вы оказались в другом времени. Клэр ничего подобного не представляла. Внутри преобладали мягкие приглушенные краски, холл освещался солнечным светом, проникавшим сквозь слюдяные стекла, и зажженными лампами с разноцветными абажурами. Прилегающее помещение представляло собой богатую библиотеку, боковая лестница вела в игровой зал, о чем оповещала вывеска.

Дальше, за регистрационной стойкой, приветливо распахнул двери огромный ресторанный зал со столами, застеленными белоснежными льняными скатертями, и баром, сейчас темным. Одна стена была полностью уставлена бутылками с винами. Высокие французские окна в дальнем конце зала открывали доступ к просторной веранде, выходящей на озеро.

Клэр заметила, как Джордж судорожно стиснул набалдашник палки.

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Великолепно!

Миловидная женщина по имени Рене быстро записала их имена и коротко познакомила их с территорией лагеря, занимающей сто акров. Отдельные помещения для гостей выстроены в разном стиле и имели собственные названия: «Зимний домик», «Весенний домик», «Саратога», «Длинный дом» и все в этом духе. Клэр попросила отвести им помещение с пандусом для кресла-коляски, и им предоставили прекрасно оборудованный коттедж с двумя спальнями под названием «Летнее убежище», со своим причалом и лодочным сараем. Как говорилось в проспекте, этот коттедж был «идеальным местом для бегства от действительности».

Услышав, сколько стоит один день пребывания в этом раю, Клэр ужаснулась, но Джордж невозмутимо вручил Рене свою банковскую карточку.

Рене провела карточкой в сканере и помедлила, прежде чем вернуть ее.

– Ваша фамилия Беллами. Владельцы курорта тоже Беллами. Это ваши родственники?

– Возможно, – не вдаваясь в объяснения, сказал Джордж.

– В таком случае вы можете рассчитывать на скидку для родственников владельцев, – пояснила Рене.

– В этом нет необходимости. Прошу простить меня... Джордж медленно проследовал по столовой и вышел на веранду.

Через несколько минут подошла Клэр и молча встала рядом. Положив руки на перила, он смотрел на озеро. Заходящее солнце проложило золотистую дорожку на его гладкой поверхности, по которой пробегала едва заметная рябь от двух моторок. Вдали виднелся маленький островок с причалом и вышкой, чернеющей на фоне меркнувшего неба.

Взглянув на Джорджа, она поняла, что он вовсе не любит великолепным видом, а погружен в свои воспоминания.

Через некоторое время он вздохнул.

– Какой я старый болван, что решил приехать сюда в поисках утраченной юности, не так ли?

– Может быть. – Она предложила ему руку. – Но пусть это не мешает вам наслаждаться. Джордж, здесь так красиво! Оказаться в таком месте – это просто счастье.

– Уж если мне приходится выбирать, где распрощаться с жизнью, то лучше этого места не найти.

– Только не надо на меня навешивать всю эту атмосферу фильма «На Золотом озере»[2 - «На Золотом озере» – известный американский фильм, поставленный по одноименной пьесе Эрнеста Томпсона, рассказывающий о сложных отношениях дочери и ее пожилого отца. Действие происходит на Золотом озере.], – серьезно попросила Клэр. – Пойдемте устраиваться.

Макс погрузил их багаж на тележку для гольфа, работавшую от газа, и с мальчишеской радостью покатил ее к «Летнему убежищу». Проходя по территории, Джордж снова оживился и стал показывать Клэр знакомые места.

– Вот здесь стреляли из лука. А видите водопад, вон там, вдалеке? Бывало, мы, мальчишки и девчонки, сидели вокруг костра и рассказывали историю о влюбленных, которые бросились вон с того висячего мостика и разбились насмерть. Понятия не имею, была ли в этой истории хоть крупица правды. О, а вон там... Именно на этих кортах я учился играть в теннис. И скажу без ложной скромности, что никому не уступал. Во всяком случае, в наше первое лето. Когда мы с братом играли парой, нас никто не мог победить.

Макс остановил тележку у коттеджа на самом берегу озера и внес их вещи. Джордж поблагодарил его и дал настолько щедрые чаевые, что подросток возразил:

– Сэр, это вовсе не обязательно.

– Чаемые никогда не бывают лишними. Мы вам очень благодарны, – настоял Джордж.

Клэр поймала взгляд мальчика и пожала плечами.

До сих пор Клэр не приходилось жить в таком большом и красивом доме, как их коттедж. Обстановка и убранство помещений искусно и ненавязчиво создавали атмосферу деревенской простоты и изящества. Прimitивная на первый взгляд мебель оказалась очень удобной. Обе комнаты были просторными и светлыми, а у Джорджа перед венецианским окном, выходящим на озеро, стоял уютный полукруглый диван.

– Вы хотите прилечь отдохнуть? – спросила его Клэр.

– Я уже наотдыхался.

– Тогда, может, вы посидите, а я разберу ваши вещи? – предложила она.

Что касалось самой Клэр, то она всегда путешествовала налегке. Основной ее багаж составляла сумка с самыми необходимыми вещами на случай побега: краской для волос, ножницами, бумажником, где находились личная карточка, деньги, кредитные карточки, а также документы на новое имя. Если что-то случится, ей нужно будет просто забрать спрятанную сумку и уходить.

Сегодня она улучила момент и запихнула свою сумку под трансформаторную будку на парковке лагеря, искренне надеясь, что сумка ей не понадобится. Она уже чувствовала, что ей понравится жить здесь. Проверив мобильник, она увидела пропущенный звонок от «неустановленного абонента», под которым у нее числился Мел Рено, и сделала отметку в уме обязательно ему перезвонить.

Клэр принялась разбирать аккуратно уложенные вещи Джорджа. Все это была разнообразная и дорогая одежда, приобретенная в магазинах знаменитых фирм вроде «Брукс бразерз», «Тед Лapidус», «Генри Пул», «Пол и Шарк». Среди его багажа был кейс с бумагами и документами и коробка с книгами и фотографиями.

– Это все семейные фотографии и старые журналы, – пояснил Джордж. – Если пожелаете, как-нибудь посмотрим их. И потом я расставлю их в этой гостиной и буду наслаждаться воспоминаниями.

Клэр подавила желание спросить, предпочитает ли он эти снимки реальным членам своей семьи или они не оставили ему выбора. Она помнила свое правило никогда не спешить с выводами.

– Когда мы регистрировались, та женщина спросила, не родственник ли вы владельцам курорта. Я с удовольствием вас послушаю, если у вас есть желание поговорить на эту тему.

Он опустился в огромное мягкое кресло, поставленное углом к окну.

– Мне есть о чем рассказать, но... в свое время.

– Как вам будет угодно. – Она подошла к столу и взяла «Путеводитель по курорту» в кожаном переплете. – Здесь сказано, что в номере нет телефона.

– У меня есть мобильник. Я не люблю им пользоваться, но иногда он может оказаться полезным.

Клэр тоже избегала пользоваться сотовым телефоном. На крайний случай она приобрела один мобильник и карточку на оплату разговора – за наличные, чтобы оставлять как можно меньше следов.

– И Интернета тоже нет, – сообщила она Джорджу, – только в главном здании.

– Я стараюсь не пользоваться этими новыми средствами, потому что плохо в них разбираюсь.

Но Клэр пользовалась Интернетом, поскольку находила в нем необходимые сведения.

– Я тоже, – сказала она. – Есть способ гораздо лучше проводить время, чем сидеть перед компьютером. Например, наслаждаться этим чудным видом. – Она показала на роскошный закат солнца за окном. – Не хотите посидеть на

веранде?

– Отличная мысль.

К коттеджу примыкала просторная веранда с белыми плетеными стульями, креслом-качалкой и подвесными качелями-диваном. С помощью Клэр Джордж опустился в кресло-качалку, откинулся на спинку и устремил взгляд на гладь озера. Затем закурил одну из купленных сегодня сигар, но сразу закашлялся и замахал рукой, отгоняя дым.

– Джордж! – Выхватив у него сигару, она потушила ее. – С вами все в порядке?

– Да, уже прошло. – Он покачал головой и отпил немного воды. – Что ж, это одно из тех удовольствий, от которых мне не пришлось с сожалением отказаться, ведь я никогда и не курил. А раньше было очень модно курить.

– Рада слышать, что вы не были рабом моды.

Достав из кармана блокнот, Джордж стал просматривать страницы.

– А у меня довольно длинный список дел. Как вы думаете, это реально?

– Кто может это сказать?

Он кивнул:

– Один пункт мы с вами уже выполнили.

– Вы хотите сказать, вы его выполнили?

Он твердо зачеркнул пункт семнадцатый и торжественно передал ей блокнот.

Она внимательно прочла запись: «Посетить место, где я впервые влюбился».

Возвращая ему блокнот, она спросила:

– И вы это сделали?

– Да, сегодня.

– Вы имеете в виду лагерь?

Он слегка смутился:

– До этого.

Она мысленно воспроизвела их путь.

– Я не понимаю... Пойдите! Джордж, вы хотите сказать...

Он снова кивнул:

– Кондитерская «Скай-Ривер».

Он вздохнул и задумчиво посмотрел на эту строку.

– Вы не проголодались, Джордж? Хотите, пойдем на обед?

– Вообще-то я немного устал. И с удовольствием немного отдохну здесь.

– Конечно. Я принесу ваши лекарства.

Стероиды и разные другие медикаменты помогали Джорджу более или менее прилично переносить свое состояние, но не могли его вылечить. Но все-таки они давали ему возможность вести нормальный образ жизни, а не подвергаться длительному и изнурительному лечению, которое также не могло принести ему выздоровления.

Когда она увидела в коробке с лекарствами виагру, вероятно, против воли на ее лице отразилось удивление. Джорджа это нисколько не смутило, и он спокойно объяснил:

- Это на случай, если мне повезет. Вы считаете, что глупо на это надеяться?
- Стоит вам забыть о надежде на удачу, и вы кончены! – с усмешкой сказала она.

Он поблагодарил ее взрывом своего знаменитого раскатистого хохота.

- Что-то говорит мне, что мы с вами отлично поладим.

Она принесла ему яркое шерстяное одеяло фирмы «Гудзонов залив» и несколько подушек. Засунув подушки себе за спину, он нахмурился, держа перед собой блокнот: на верху страницы было написано «Чарльз».

- Это ваш брат, да?

Джордж кивнул:

- Ради него я сюда и приехал.
- Уверена, он будет невероятно рад увидеть вас, Джордж.
- Ну, лично я не очень в этом уверен.
- Почему?
- Видите ли, мы с Чарльзом не общались пятьдесят пять лет!

Глава 4

Клэр проснулась от тишины. Привыкнет ли она когда-нибудь к отсутствию гудков и визга тормозов, криков и свиста рабочих и продавцов? Тишину нарушали лишь пение птиц, жужжание насекомых и ветер, шуршащий листвой и поднимающий рябь на озере. Сквозь затянутые москитной сеткой окна в комнату врывались опьяняющие запахи цветов, травы и чистой воды.

Она подошла к окну своей небольшой спальни на втором этаже, и ее страстно потянуло туда, на воздух. К тому же был самый подходящий час для утренней пробежки. Поспешно натянув на себя нейлоновые шорты и майку с вшитым бюстгалтером, носки и свои любимые кроссовки, она на цыпочках спустилась вниз. Сунула в карман мобильник и выпила стакан воды. Затем вышла на веранду и направилась к тропе, названной в путеводителе «Петля вдоль озера».

В городе она надела бы наушники с айподом, чтобы не слышать городского шума. Здесь, в дикой местности, она радовалась голосам природы, ощущению свежего ветра на коже и начала утреннюю пробежку с невольной улыбкой. Правда, она прикрепила к поясу баллончик с перцем, но сделала это скорее по привычке, чем в опасении встретить на дороге у озера кого-то, кто причинит ей какие-то неприятности.

Взгляд ее жадно впитывал сказочную прелесть окрестностей, настолько непривычную, что она казалась нереальной.

Клэр бесконечно устала от необходимости постоянно заглядывать вперед, рассчитывать каждый свой шаг, предвидеть катастрофу. И сейчас, отбросив свою настороженность, она с радостью отдалась свободному легкому бегу по тропе, вьющейся среди леса. Мимо нее пробежала супружеская пара, на ходу кивнув ей. На озере виднелся одинокий каяк с любителем покататься спозаранок.

В густой листве порхали и щебетали птицы, между деревьями промелькнул заяц, пробежал олень с ветвистыми рогами. Озеро мирно сияло под солнцем, грациозные ивы клонили к воде свои длинные ветви. Господи, как прекрасен мир! Слишком прекрасен, подумала она с привычным уколом сожаления, что ей не с кем разделить свою радость. Однако факт оставался фактом – у нее не было ни одного близкого человека. Порой ей хотелось выть от мучительного одиночества.

Но вместе с тем она приучилась терпеть это состояние, не видя из него выхода. Ритмичный бег сопровождался ритмичным дыханием. Она старалась представлять, что поры ее кожи впитывают свежесть этого прекрасного утра, удерживают ее. Может, в этом и заключалась магия этого места – даже уехав отсюда, ты можешь забрать с собой его частичку. Может быть, поэтому Джордж не мог его забыть даже спустя полвека.

«Мы не общались с ним пятьдесят пять лет».

Это же целая жизнь! Подумать только, Джордж и его брат целую жизнь лишали друг друга общения. Вчера вечером она предложила ему позвонить Чарльзу Беллами – его телефон был указан в телефонном справочнике. Но Джордж, видимо, очень устал и отказался.

– Потом, когда приедет Росс.

Росс, его обожаемый внук. Клэр надеялась, что он уже едет домой. Кстати, а где остальные родственники Джорджа? Он сказал, что его сыновья и невестки ожидают, что он вернется в город уже через несколько дней.

Сегодня утром Джордж чувствовал себя неважно, выходил только на веранду и на причал, погреться под утренним солнцем. Он больше не говорил о Чарльзе Беллами, и Клэр ни о чем его не спрашивала. Сейчас Джордж явно был не в форме, чтобы пережить эмоциональное напряжение от встречи с братом.

Клэр решила предоставить Джорджу возможность по-своему насладиться сегодняшним днем. Желая подробнее ознакомиться с историей лагеря «Киога», она просмотрела в его обширной библиотеке несколько альбомов с фотографиями и записями о событиях, связанных с лагерем. Когда-то на северном конце озера находился большой участок сельскохозяйственной земли, переданный во владение семье Гордон в качестве уплаты долга. Сам лагерь был основан в 1920-х годах Энгусом Гордоном. Насколько смогли установить, слово «Киога» представляло собой исковерканное слово индейцев племени могауки, по словам Энгуса, означавшее «спокойствие». Потом землей владел сын Энгуса, от которого ее унаследовали его внучка и ее муж. На очередной странице она увидела имена теперешних владельцев курорта: Джейн и Чарльз Беллами.

Углубляясь по лесной тропе, Клэр пыталась представить себе, как здесь было в прошлом, и гадала, узнает ли она когда-нибудь причину разлуки братьев. Ведь их связывает общее происхождение, родители, воспитание. И все-таки что-то заставило Джорджа и Чарльза порвать друг с другом. Что-то заставило Джорджа уехать отсюда и не появляться целых пятьдесят пять лет!

Она настолько увлеклась своими мыслями, что не заметила, как кто-то приближается к ней сбоку. В самый последний момент она уловила тень – и

моментально среагировала со всей силой и быстротой, отработанной во время долгих тренировок по самообороне. Стремительно повернувшись, она выбросила вперед правую ногу, ударив противника в низ живота, а левую, согнутую в локте, выставила против его лица. В следующую секунду человек упал на землю и согнулся пополам, а она помчалась прочь, охваченная страхом, сжимая в руке баллончик с перцем.

Клэр прикинула, что если и дальше вот так мчаться, то минут через пять она окажется у трансформаторной будки, где спрятана ее сумка. И Джордж Беллами так никогда и не узнает, что с ней стало.

Жаль, очень жаль! Но может быть, он все-таки встретится с братом, и его родственники не станут настаивать, чтобы он вернулся в город и продолжил мучительное лечение. Да, ей было очень жалко оставлять Джорджа, но это не могло ее остановить.

Зато это удалось сделать поверженному противнику.

– Танкреди! – хриплым от боли голосом выкрикнул он.

От одного лишь слова – этого почти забытого имени – ее обдало холодом. Оно принесло с собой все, что она оставила в прошлом, включая себя, какой она была до своего исчезновения.

Она рискнула на бегу оглянуться.

Напавший на нее хулиган стоял на четвереньках и пытался выпрямиться. Хорошо. Значит, он не сможет вытащить оружие.

Рядом валялась упавшая с него бейсболка, обнажив густую гриву черных волос с сильной проседью.

О боже! Мел! Это был Мелвин Рено, единственный человек, которому она доверила свою тайну.

Она круто повернулась, подбежала к нему и упала рядом на колени.

– Ты что, с ума сошел? Надо же быть таким идиотом, чтобы подкрадываться ко мне. Да я на всю жизнь могла сделать тебя инвалидом!

– Может, уже сделала. – Он сердито посмотрел на нее сквозь выступившие от боли слезы.

– Сядь, – приказала она, заметив, что его лицо посерело. – Подтяни колени под углом в сорок пять градусов и засунь между ними голову.

Он со стоном подчинился.

– Вдох носом, – учила она его, – выдох открытым ртом.

– Кажется, ты разбила мне лицо.

– Дышишь нормально?

– Просто великолепно.

– Значит, не разбила.

– Хорошо быть медсестрой, – глухо проговорил он. – Ты можешь разбить парню голову, а потом заново собрать ее.

– Я только защищалась, как меня учили, – кстати, именно ты. Наноси удар и беги, а вопросы задавай потом, но ответам не верь – разве не ты мне это твердил?

Он кивнул, не поднимая головы.

– Что, очень больно? Или немножко легче?

– А что, если я скажу, что не легче?

– Тогда тебя нужно осмотреть. Ультразвук покажет, есть ли у тебя разрывы мягких тканей.

– Разрывы? Какие еще разрывы?

– Если есть, то тебе понадобится операция. Мел, мне очень жаль.

– В таком случае мне уже легче.

Она с болью смотрела, как судорожно он переводит дыхание. Мел был единственным человеком, который знал, что Кларисса Танкреди и Клэр Тернер – одно лицо.

И ей пришлось ударить его в мошонку!

– Прости, что из-за меня ты переносишь такую боль.

– Не нужно мне твоего сочувствия. Если бы на моем месте был другой, я бы сказал, что горжусь тобой. – Он поднял голову, и она с любовью всматривалась в его лицо с правильными чертами и умными добрыми глазами. Должно быть, он был очень красив в молодости. У него было хорошее лицо, вызывающее доверие. В жизни Клэр было мало удач, но одной из них был определенно Мел Рено.

Он медленно поднялся на ноги, хромая подошел к озеру и сел на траву.

– Что ж, – пробормотал он, – благодарю за радушный прием.

– А ты что думал? – сердито спросила она. – Ты зачем пришел? Что-нибудь случилось?

– Подожди, дай отдышаться. – Он обхватил руками подрагивающие колени.

Она обрадовалась, увидев, что щеки его вновь порозовели, а дыхание стало более ровным.

Он глубоко вздохнул и немного расслабился.

– Я звонил тебе вчера. Почему ты не перезвонила?

– Я была занята, Мел, извини.

Он нахмурился:

– Это на тебя не похоже.

– Но я не ждала, что ты поедешь следом за мной. – Клэр всегда ставила его в известность, где находится, чтобы он не волновался понапрасну.

– Просто мне хотелось посмотреть на это место. Черт, а здесь здорово!

– Сегодня я проснулась, словно... – Она не решилась сказать «в заколдованном месте», чтобы он не подумал, что она совсем потеряла голову. – Словно в особенном месте.

Они смотрели, как вдали гидросамолет коснулся воды и заскользил по глади, как сказочный дракон.

– Он идет с той стороны, откуда пришел я, – сказал Мел. – Надо же, я даже забыл, что на земле есть такие райские уголки.

Уволенный федеральный служащий с тяжелым прошлым, он жил один в старом, но тихом районе Ньюарка. Он был инвалидом и посвятил свою жизнь заботам о людях вроде Клэр – свидетелям, вынужденным скрываться или бежать от опасности, с которой сами они справиться не могут. Он был специалистом в создании новой личности и документации, и, когда в отчаянии она обратилась к нему, он снабдил ее полным и надежным комплектом документов на имя умершей девушки, сочинил ей новую биографию, подтвердив ее документами – свидетельством о рождении, водительскими правами, карточкой социальной страховки. Благодаря Мелу она возродилась и начала новую жизнь.

И хотя они были знакомы уже много лет, по-настоящему она его так и не знала. Он был полностью предан делу помощи людям, оказавшимся в теневом, анонимном мире. Вероятно, это придавало смысл его жизни. Однажды Клэр спросила, почему он возится с такими, как она. Он сказал, что когда-то был ответственным за защиту супругов, но их убили.

После этого Клэр его ни о чем не спрашивала – больше она ничего не хотела знать. Если она слишком с ним сблизится, ему будет грозить опасность от того же негодяя, из-за которого она вынуждена была скрываться.

– Ты остановился в этом же лагере?

– Да. Ты знаешь, сколько здесь дерут за ночь? – Он сокрушенно покачал головой. – Я снял койку на одни сутки.

– И где же ты будешь жить?

– Недалеко отсюда есть палаточный лагерь управления охраны природы, называется «Вудлэнд-Вали».

Она нахмурилась:

– И ты будешь жить в палатке, спать в спальном мешке?

– Да.

Она попыталась представить его в палатке, поставленной в лесу.

– Что это тебе вздумалось?

– Я проделал весь этот путь не для того, чтобы ты надо мной смеялась.

Она уловила в его голосе мрачную нотку:

– А что?

– У меня есть новость, которая вряд ли тебе понравится.

Она собралась с духом:

– Ну, говори.

– Джорданы снова подали заявление, что хотят взять детей на воспитание.

Несмотря на жаркий день, ей стало холодно. Горло пересохло, и она не сразу смогла заговорить.

– Значит, двое убитых и один пропавший ребенок не помешали им снова продолжать свое дело? Но социальная служба не имеет права выдать им разрешение!

Мел молчал.

– Я права? – спросила она.

Он смотрел на воду.

– Я разговаривал с несколькими работниками социальной службы.

– И что?

– Видно, они игнорирует меня как ненормального.

– Ты рисковал, указывая пальцем на Вэнса Джордана. Это я должна заявить на него, а не ты. – Сказав это, она поняла, что решение уже принято. Оно зрело уже давно, ей необходимо было положить конец своему изгнанию. И приезд в это место только укрепил ее решение. – Все, Мел, хватит. Я больше не могу так жить. Мне надоело ждать.

– Клэр... Кларисса. Ты же знаешь, у него полно друзей в руководстве, многие боятся его. Если ты сейчас объявишься, то ничего этим не достигнешь.

Клэр допускала, что он прав, но с ужасом представляла себе очередного ребенка во власти Джордана.

– Я что-нибудь придумаю, сама придумаю.

– Ты говорила насчет риска...

– Вот потому я и хочу, чтобы ты оставался в стороне. Послушай, я сделаю это сама, понятно? Я больше не могу скрываться, вечно находиться в бегах.

Когда-то она смирилась со своей жизнью беглеца, но это время прошло. Казалось бы, со временем и благодаря нажитому опыту ей будет легче вести тайную жизнь, на самом деле день ото дня становилось все тяжелее. Душа ее надрывалась от тоски по нормальной жизни. Клэр часто вспоминала о своей несчастной матери и пришла к выводу, что она вела такой безалаберный образ жизни и умерла такой молодой потому, что чувствовала себя совершенно одинокой.

Клэр приходилось слышать о свидетелях, отказавшихся от защиты и в результате убитых сообщниками осужденных преступников. Люди считали их решение глупым и безрассудным, но она понимала, что эти люди просто не могли себе представить, что всю жизнь им придется прожить под чужим именем.

– Я не могу этого допустить, – возразил Мел. – Подожди немного, хорошо? Я продумаю, с чего нам начать.

Она молча кивнула, делая вид, что согласна. Затем они тайком разошлись в разные стороны, как скрывающиеся любовники, – так проходили все их встречи. Они старались не показываться на людях вместе. Мел рассердился, что она упорно готова пожертвовать собой в деле разоблачения Джордана, но он должен понять ее: не может она допустить, чтобы Вэнс Джордан снова взял ребенка на воспитание. На то, чтобы власти дали заявителю отказ или разрешение, требовался срок в три месяца. Значит, у нее есть эти три месяца, чтобы придумать, как рассказать о том, что ей известно, и заставить, чтобы ей поверили.

Перспектива вернуться к нормальной жизни невероятно взволновала Клэр. Мел всегда утверждал, что шансы на успех слишком слабы, зато риск высунуться из укрытия – огромный. Но она продолжала думать о том, как изменится вся ее жизнь, если власти арестуют Вэнса Джордана.

Помогая безнадежно больным людям, она поняла огромное значение того, как человек прожил отпущенный ему на земле срок. Вечно убегать и прятаться – это не жизнь, а жалкое прозябание.

Джордж Беллами пребывал в полузабытьи. Это состояние легкого оцепенения – один из симптомов его болезни, но очень приятный и щадящий – время от времени охватывало его в течение дня. Иногда ему казалось, будто он несется на ковре-самолете сквозь пространство и время, после чего с изумлением оказывался здесь и сейчас. Здесь – в этом земном раю, настолько прекрасном, что больно было смотреть. И сейчас – в последней стадии своей жизни, которая не всегда была прекрасной. Однако никогда не была скучной.

Он знал, что после его смерти люди будут нести всякую чепуху, вроде того, что он мужественно сражался с болезнью. На самом деле он вовсе не был храбрым, он боялся до чертиков. А кто на его месте не боялся бы? Никто не мог знать наверняка, что его ожидает в бесконечности, какой бы веры он ни придерживался.

И все-таки... Смерть была одной из великих неизбежностей. Джордж старался всеми силами смириться со своей судьбой, но ему мешали кое-какие вещи, подобно последнему канату якоря, который удерживает наполненный горячим воздухом шар, не давая ему взлететь. И чтобы свободно лететь, ему необходимо найти способ разрубить этот канат.

Вот он и приехал в Авалон, чтобы извлечь на свет прошлое, которое всегда его преследовало. Но теперь, когда он уже оказался на месте, ему все что-то мешало. Когда приедет Росс, сказал он Клэр. Тогда он навестит своего брата.

Джордж был очень благодарен Клэр. Ему пришлось потрудиться, прежде чем он нашел подходящего человека – но не для себя, а для Росса. Потому что Росс и был одним из тех канатов, которые не давали ему распрощаться с жизнью.

Интересно, думал Джордж, что Клэр думает об этом месте и о тех отрывочных воспоминаниях, которыми он с ней поделился. С этой спокойной молодой женщиной легко было разговаривать. Может быть, это была ее врожденная черта, а может, этому учат людей ее профессии. Когда она узнает о нем все остальное, возможно, она его осудит. Но, честно говоря, в данный момент его жизни – точнее, того, что ему осталось, его это не очень беспокоило.

Нужно ли умирающему знать правду? Последнее время он часто об этом раздумывал. Может быть, он поговорит об этом с Клэр. С ней легко

разговаривать, с этой спокойной молодой женщиной... Он недовольно нахмурился, осознав, что его мысли повторяются.

Клэр Тернер... Джордж ломал голову, почему она все время держится настороже, почему он никак не может ее понять. Он надеялся, что Россу она откроется. Они... У Джорджа было ощущение, что они могли бы быть вместе, если позволят себе.

Разумеется, он беспокоился о Росссе, который возвращается с войны. Наверняка он навидался там всяких ужасов. Росссу предстоит снова понять, что мир – прекрасное место. Джордж очень рассчитывал, что в этом ему поможет Клэр.

Когда он, наконец, встал, он чувствовал себя значительно лучше. Он побрился, надел летние брюки, рубашку с открытым воротом и свое любимое кепи, чтобы скрыть слишком короткие волосы. Затем вышел наружу посмотреть, какая погода. Он медленно шагал, слегка опираясь на палку, по тропинке, что бежала вдоль озера. Воздух был таким благоуханным и свежим, что захватывало дыхание, и легкая грусть овладела им. Неужели он скоро покинет эту красоту?

– Здравствуйте! – сказал кто-то за его спиной.

Он вздрогнул и обернулся. На скамье у самой тропинки тихо сидела миловидная седая женщина в легком сиреневом платье и в сиреневых босоножках. Один ее вид заставил его улыбнуться.

– Простите, я вас не заметил. Все восхищался озером.

– Это простительно, от него и вправду взгляд не оторвать. Не хотите ли присесть?

– Благодарю вас. Прекрасное утро, не правда ли? Вы здесь в отпуске?

– Меня уговорили сюда приехать внучка и ее муж. Я как-то сказала, что девочкой, а потом в юности отдыхала летом в лагере «Киога», и они настояли, чтобы я снова сюда приехала. Оказывается, этот курорт, после ремонта, предоставляет скидку в пятьдесят процентов тем, кто когда-то сюда приезжал. – Она весело улыбнулась. – Обожаю всякие скидки, особенно с тех

пор, как стала пенсионеркой.

Джордж усмехнулся. Женщина явно ему нравилась.

– Понимаю. Значит, у нас есть нечто общее. Я тоже отдыхал здесь летом, давным-давно. – Его уже заинтересовала эта женщина с красивыми карими глазами и слегка озорным выражением лица. Он взглянул на ее руку – обручального кольца не было.

Вероятно, она заметила его взгляд, потому что улыбнулась:

– Я не была замужем. Следовательно, типичная старая дева.

– А я вдовец. И если честно, типичные старые девы никогда мне не нравились. В них есть что-то безнадежное и неприятное, а в вас я не вижу ничего подобного.

– Благодарю вас. И к вашему сведению, я в жизни не сидела за прялкой, так что ярлык старой девы[3 - От англ. Spin – прясть; spinster – прядильщица; старая дева.] мне совсем не подходит.

– В таком случае мне хотелось бы узнать ваше имя.

– Меня зовут Милли, Миллисент Дэрроу.

– Милли Дэрроу, – задумчиво проговорил Джордж. – О, я помню вас, по колледжу! Вы и ваша сестра Беатрис учились в Вассаре.[4 - Вассар – престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк.]

– В самом деле! Я окончила его в 1956 году. – Она внимательно посмотрела на него. – Неужели Джордж? Джордж Беллами! Не может быть!

– Рад вас видеть, Милли.

Она сняла соломенную шляпу и стала взволнованно обмахиваться.

– Поразительно! Вот это сюрприз! Просто чудо! Поверить не могу!

Впервые за много месяцев Джордж встретился с человеком, который не знал о его болезни. И ужасно обрадовался.

– Милли, вы замечательно выглядите.

– И вы тоже. Как поживает ваш брат Чарльз?

Не желая входить в сложные объяснения, Джордж коротко сказал:

– Благодарю вас, прекрасно.

– А вы знаете, я всегда находила вас красавцем!

– Обманщица! – засмеялся он.

– Нет, правда, Джордж Беллами, – возразила она, снова надев шляпу.

– Вы тоже очень мне нравились.

– И долго вы намереваетесь здесь пробыть?

– Сколько смогу, – сказал он, и сердце его неожиданно громко стукнуло. – Сколько получится.

Глава 5

Получив приказ о демобилизации, Росс Беллами подал заявление с просьбой ускорить процедуру увольнения в связи с болезнью деда, и ему это обещали. Однако ему казалось, что он никогда не вернется домой. Только после собеседования в форте Шелби, Алабама, его наконец отпустили. Отвыкнув от цивилизации за время службы, он чувствовал себя неловко в роскошном авиалайнере, который летел в Ньюарк. В салоне было полно солдат, которые все время возбужденно разговаривали, скрывая тревогу перед возвращением к обычной гражданской жизни.

Росс сидел в первом ряду от выхода, между девушкой в военной форме, которой не было еще и двадцати одного года, и солдатом лет двадцати пяти. Этот парень не отрывался от банки с пивом, обсуждал свои впечатления от его вкуса и рассказывал о своей подружке Ронде.

– Сам не знаю, с чего я так волнуюсь, – признался он. – Мы с ней все время переписывались по электронной почте, так что связь не прерывали. Наверное, дело в том, что сейчас мы увидимся с ней наяву, лично. Этого ничем не заменишь.

– Приятно это слышать, – сказала девушка. – Значит, вам не хотелось бы, что все заменили технические приспособления?

Росс просматривал старый номер газеты «Стар Леджер», которая выходит в Нью-Джерси. Убийство бандитов, спортивные новости, городские известия. Его внимание привлек заголовок статьи прокурора штата, и он пробежал рассказ о коррупции в полиции штата. В заметке упоминалось имя одного из прокуроров – Тирон Кеннеди, отец Флоренс, последней, с кем он познакомился в Афганистане.

– А ты, приятель? – спросил солдат Росса. – Тебя тоже ждет дома семья? Жена, детишки?

Слегка улыбнувшись, он покачал головой:

– В данный момент – нет.

– Интересный ответ! – заметила девушка. – То есть вопрос обзаведения семьей стоит у вас на повестке дня?

Росс усмехнулся:

– Никогда так не думал, но это верно. Наверное, женюсь. Когда так долго находишься вдали от родины, начинаешь понимать, что главное – это твоя семья.

– Порой семья – это единственное, что у тебя есть, – подтвердила девушка. – И она тебя спасает.

Росс с нею согласился. Семейные узы обладают большой силой, поддерживая в человеке стремление к жизни. Ему приходилось видеть раненых, которые выживали только благодаря желанию жить и силе характера. Порой вид любимого лица помогал им больше, чем целая бригада хирургов.

– Да, что хорошо в армии, так это то, что она учит тебя ценить жизнь, – сказал солдат. – Потому что ничто так не вытягивает из тебя соки, как ночевка в пустыне да еще зимой!

– Ну, на твоём месте я бы так не думал, – обернувшись к ним с переднего сиденья, вмешался другой солдат. – Ты ещё не видел мою женушку!

– Ладно, ты меня напугал, – в тон ему шутливо сказал Росс.

До сих пор он следовал по пути, уготованному всем членам рода Беллами: получил блестящее образование, приобрёл трудную и нужную профессию, отслужил в армии. И считал, что всё остальное само придёт к нему, ему не нужно будет это искать.

Женщины находили его интересным, у него было много приятных знакомств. Но пока ещё ему не встретилась та единственная женщина, рядом с которой он хотел бы проспать всю оставшуюся жизнь, с которой хотел бы создать семью и растить детей. Ему очень не нравилось, что последняя его связь перед самым зачислением в армию закончилась не взрывом эмоций, а полным разочарованием. Он проклинал себя за то, что принял за любовь обычную симпатию.

– Мой опыт подсказывает, – говорил дед, – что любовь приходит в самый неожиданный момент, иногда в самый неподходящий. Так что нужно просто всё время быть к ней готовым.

Росс так и старался поступать. До отправки в Афганистан он часто встречался с женщинами. Порой он получал такое огромное сексуальное наслаждение, что по ошибке принимал это за любовь. Но все эти отношения были непродолжительными, и, порвав их в очередной раз, он чувствовал себя одиноким и опустошённым. Когда рядом нет человека, который делит с тобой и радость и горе, жизнь превращается просто в монотонную и бесконечную

цепочку дней.

Ему нужны были более серьезные отношения. Он отчетливо это понял во время последней операции по вывозу людей из-под огня противника. Тогда он дал себе слово, что не станет ждать милости судьбы, а сам сделает свою жизнь интересной и приятной.

Наконец, самолет приземлился в Ньюарке. Гражданские достали мобильные телефоны и стали звонить родным и друзьям, солдаты вскочили, схватили свои вещи и стали проталкиваться к выходу. Сразу за контрольным пунктом шумела толпа родственников, встречающих пассажиров рейса. Женщины с детьми, супруги, высоко поднимающие таблички с написанными от руки именами, родители, сестры, братья, сияющие улыбками лица между букетами цветов и воздушными шариками. Среди них две незаметно прошмыгнувшие собачки.

Эта толпа мгновенно окружила солдат, возвратившихся с войны. Со всех сторон неслись ликующие возгласы, веселый смех, кто-то плакал от счастья. По всему залу сверкали вспышки фотокамер. Стоявшие в стороне свидетели этой встречи время от времени начинали бешено аплодировать.

Придерживая на плече ремень от сумки и невольно улыбаясь, Росс обошел по краю возбужденную толпу. Эти ребята заслужили такую радостную встречу. Они сражались, рисковали своей жизнью, истекали кровью, плакали по погибшим друзьям – а сейчас были счастливы вернуться к тем, кого любили.

Он не был настолько наивным, чтобы думать, что каждого из них ожидает счастливая жизнь в кругу семьи. Как и у всех, у них будут свои радости, печали и разочарования. Но только не сегодня. Сегодня – праздник!

Остановившись в стороне, он стал осматривать зал прибытия в поисках матери, стараясь не волноваться. Но, черт возьми, он так долго отсутствовал, что стал думать о ней с любовью, вспоминая только самое хорошее.

Он увидел небольшую группу людей под плакатом с надписью: «Любой солдат». Это были добровольцы, пришедшие сюда, чтобы тепло приветствовать солдат, которых по каким-либо причинам никто не мог встретить на родной земле.

Неужели они действительно думают, что к ним подойдет хоть один солдат? С таким же успехом они могли написать на плакате: «Здесь записываются в неудачники».

К его удивлению, к ним направился широкоплечий солдат с сержантскими нашивками. Он заметно робел, что при его внушительной фигуре производило забавное впечатление. Кто-то из добровольцев обратил на него внимание, и его сразу окружила дружелюбная толпа. За ним к этой группе потянулись другие солдаты, сначала отчаянно смущаясь, но затем с явной радостью пожимая протянутые руки и отвечая на приветственные возгласы.

Росс прошел дальше. Что ж, во время бури корабль рад любой бухте. У каждого свое отношение к семье.

А кое для кого слово «семья» вообще ни черта не значит, подумал он, увидев табличку со своим именем. Ее держал незнакомый человек в белых перчатках и в водительской форме со значком Королевской службы по прокату лимузинов.

Здорово! Значит, мать наняла представителя этой службы встретить его. У него упало сердце, и он мысленно упрекнул себя за свои глупые ожидания.

– Это я, – представился он водителю и пожал ему руку. – Росс Беллами.

– Добро пожаловать в Нью-Джерси, сэр, – сказал водитель с легким акцентом. Меня зовут Пинто. Могу я забрать вашу сумку?

– Спасибо. – Росс передал ему сумку.

– С багажом нужно проходить вон там. Полет прошел нормально?

– Да, прекрасно.

– А откуда вы прилетели?

– Из Афганистана, из восточного района, вроде Мобила в Алабаме.

Пинто присвистнул.

– Вы хотите сказать, что воевали! – Он опустил сумку на пол и горячо потряс руку Росса. – Поздравляю со счастливым возвращением, приятель!

– Спасибо. – Россу доставило удовольствие ощущение этого крепкого и искреннего рукопожатия.

Машина оказалась лимузином марки «Таун-кар», с облегчением отметил Росс, который терпеть не мог длинных броских лимузинов. Когда он усаживался, обтянутое бархатистой кожей сиденье мягко вздохнуло под его весом. Его мать заказала VIP-обслуживание – в машине был полный набор: лед, напитки, легкие закуски, мятные конфеты и телефон для клиента.

Он набрал номер матери.

– Резиденция миссис Тэлмидж, – ответила ее помощница.

– Это Росс. Можно позвать маму?

– Минутку, пожалуйста.

– Росс, дорогой! – радостно воскликнула Уинифред. – Ты где?

– Еду из аэропорта.

– Машина хорошая? Я просила послать тебе самую хорошую машину.

– Да, отличная.

– Не могу сказать, как я рада, что ты наконец вернулся. Я чуть с ума не сошла от тревоги.

Естественно, мать всегда волнуется за сына, особенно если он где-то воюет.

– Спасибо, – сказал он.

– Я имею в виду, что понятия не имею, о чем он только думает! Я ни одной ночи не спала спокойно после того, как он заявил, что решил отправиться в Кэтскилз искать своего брата.

– А! Ты о дедушке. Вот что тебя беспокоит!

– А разве тебя это не беспокоит?

– Да, конечно. Послушай, движение не очень плотное, так что я скоро буду дома. Мы можем обсудить это потом?

– Разумеется. Я закажу на обед все твои любимые блюда.

– Отлично. Спасибо.

– Росс...

– Да?

– Напомни мне, что ты больше всего любишь?

И он расхохотался. А что еще ему было делать? А он-то думал, что к его приезду готовятся, что мать действительно радуется, что она любит его!

– Ладно, меня устроит все, что угодно, лишь бы это не было подано на пластиковом подносе с отделениями.

Остальной путь до Манхэттена он проделал в блаженном молчании, откинув голову на изголовье сиденья. По-своему он был благодарен той матери, какую послала ему судьба. Ее отношение к нему научило его жизни не меньше, чем других добрые и любящие матери.

Уинифред Лэмпри Беллами Тэлмидж была плодом собственного творчества. Поскольку у нее не было того, что она считала хорошим происхождением, она сочинила для себя совершенно новую биографию.

Лишь несколько человек знали, что она выросла в убогом районе Флэтбуша, в жалкой квартирке, расположенной над родительским ломбардом. Она рано стала стыдиться своего происхождения и поставила себе целью – как она выразилась, когда ее спросил Росс, – выбраться из этой ямы. Она старательно изучала, как живут люди из высшего общества. Училась говорить на рафинированном языке закрытой частной школы, слегка в нос и отчетливо произнося все звуки. Она прилежно изучала манеры светских богачей одеваться, вести себя за столом и держаться с окружающими. И вот вместо Ванды, девчонки из бедного квартала, на свет появилась очень достойная особа Уинифред.

Она полностью отеклась от своего прошлого, с упоением читала романы о жизни изысканной элиты. В старших классах школы она поставила целью продолжить обучение в колледже Вассара – не столько ради получения хорошего образования, сколько из-за его соседства с Йельским университетом. Она мечтала выйти замуж за одного из его студентов, и учеба в Вассаре давала эту возможность. В старших классах школы она отличалась удивительной работоспособностью и целеустремленностью. Она понимала, что должна заниматься усерднее привилегированных учениц частных школ. И упорным трудом заработала право на бесплатное обучение в Вассаре. Поразительная целеустремленность, говорили ее учителя, невероятная дисциплинированность! Ей прочили выдающиеся успехи.

Можно было спорить относительно того, чего она все-таки достигла. Но Росс воздавал ей должное. Не многим удавалось, опираясь только на силу воли, проделать за одно поколение путь от Флэтбуша до Пятой авеню.

Обо всем этом Россу рассказал дед. Не из желания посплетничать, не от злости, но для того, чтобы ранимый мальчик, тяжело переживающий смерть отца, знал, чего может ожидать от овдовевшей матери, сразу позабывшей свой долг по отношению к сыну. Росс был еще ребенком и не понимал, почему мама так стыдится своего прошлого, но дед научил его не придавать значения ее одержимости в этом вопросе, а также ее крайнему эгоизму.

Росс смотрел из окна машины на проносящиеся мимо окрестности – сначала многоквартирные жилые дома, ряды старых деревянных домишек на окраине города, затем промышленная зона с кирпичными и металлическими строениями и, наконец, туннель, ведущий к тесному от многоэтажных зданий и обилия машин, душному от выхлопов, kloкочущему энергией Манхэттену. Квартал на

западном берегу, где жила его мать, представлял собой тихий оазис резиденций с коваными оградами, за которыми зеленели сады.

Уинифред получала пенсию за погибшего мужа-солдата, но позволяла себе и теперь жить не по средствам. Ее свекор Джордж Беллами заверил, что упомянет ее в завещании и что как жене его сына-первенца и матери его первого внука он окажет ей предпочтение.

Овдовев в первом браке и разведясь со вторым мужем, Уинифред, у которой не было никакой профессии, не знала, чем себя занять. Все способности, которые так ценили ее учителя и благодаря которым она попала в привилегированный женский колледж Вассар, Уинифред употребила для достижения главной и единственной цели – сделать хорошую партию.

И ей это удалось. Семья Беллами была богатой и влиятельной, с корнями, которые можно было проследить не до повстанцев смешанных кровей, которые прибыли сюда на «Мэйфлауэре»[5 - «Мэйфлауэр» – английское судно, на котором в 1620 г. пересекли Атлантический океан первые поселенцы Новой Англии.], но до благородных дворян, оставшихся в Англии и покорявших мир. Выйдя замуж за Пирса Беллами, Уинифред получила возможность жить в свое удовольствие.

Однако здесь таился один подвох, о котором Уинифред никто не предупредил, в том числе и Пирс. И этот подвох состоял в том, что некоторым вещам невозможно научиться по книгам. Самое блестящее образование не в состоянии объяснить человеку, какими нравственными принципами следует руководствоваться при выборе мужа, и тем более понимать, что это такое. Лучшие школы страны не способны научить кого-то быть счастливым, не говоря уже о том, чтобы сделать счастливым другого человека. Да, Уинифред этого так и не узнала.

Росс отбросил грустные думы о матери и полностью отдался счастью возвращения домой. Он готов был радоваться каждому дню без наводящего ужас воя ракет «земля – воздух», без вида страшных ран, без этих отчаянных вызовов из зоны сражений, без прощания с верным товарищем, погибшим во время операции. И он решил во что бы то ни стало уговорить деда не сдаваться, продолжать борьбу со своей болезнью.

Он набрал телефон квартиры деда и услышал заранее записанное голосовое сообщение. У деда был также и сотовый телефон, но там ему сообщили, что абонент не доступен. Значит, телефон выключен или у него сели батарейки. Дед не очень одобрительно относился к современным средствам связи.

«Сегодня вечером, дед, я обязательно тебя найду». Плевать, что мать собирается подать «его любимые блюда», название которых она «забыла». Он возьмет машину и поедет в лагерь, расположенный где-то у черта на куличках, куда уехал его больной, умирающий дед с какой-то подозрительной незнакомкой.

Росс снова снял трубку. В городе у него было всего несколько друзей. После учебы за границей он так нигде и не обосновался. Но теперь был готов к мысли завести свой дом.

Сначала он позвонил Натали Свит, которую знал с девятого класса. После деда она была ему самым близким другом. Он услышал ее голосовое сообщение и оставил свое. Затем набрал номер своей кузины Айви и в глубине души порадовался, что не застал ее дома, потому что стоило заговорить про деда, как она начинала плакать.

Машина затормозила у красивого особняка из коричневого кирпича. Формально Росс называл его своим домом, на самом деле после гибели отца он столько ездил по свету, что не мог бы сказать, где его дом. Семейный особняк Беллами на Лонг-Айленде? Квартира деда в Париже? Дом его дяди Тренора в Южной Калифорнии? Он не испытывал привязанности к этому куску земли Верхнего Манхэттена – разве только когда сюда приезжал дед.

Швейцар Кэппи от души поздравил его с возвращением. Саломе сказала, что мадам находится в гостиной, и в глубине души ему пришлось признать, что мать встретила его очень тепло и радостно.

Уинифред крепко обняла его, затем откинулась назад, и в ее глазах заблестели слезы.

– Сынок, как же я по тебе скучала!

Высокая и худощавая, она очень следила за собой, регулярно посещая салоны красоты и кабинеты спа-процедур. Ухоженные волосы излучали мягкий блеск, искусно наложенный макияж даже слезы не могли подпортить. Видимо, она все же любила его – по-своему.

– Я так счастлива, что ты вернулся живым и здоровым!

– Спасибо, – сказал он и уселся у окна, выходящего на ухоженный парк с сетью тщательно прополотых дорожек. – Я тебе кое-что привез. – Он передал ей плоскую баночку с яркой этикеткой – это была черная икра от Каспийской рыболовной компании Азербайджана. – Приобрел в отделе сувениров.

– Спасибо, Росс, ты знаешь, как я люблю икру.

– Конечно. Расскажи мне про деда. Что там происходит?

Она повторила диагноз, который заставил его примчаться сюда с другого конца света: глиобластома мультиформа в четвертой стадии, что означало стремительное разрастание опухоли. И вдруг он отказался продолжать лечение!

– Видите ли, он предпочитает провести оставшееся ему время с большей пользой и удовольствием! – с негодованием объяснила Унифред. – И что же он делает? Нанимает какую-то медсестру, которая определенно охотится за его деньгами, и отправляется на поиски потерянного брата. Я считаю все это полной чепухой.

Росс не очень понял, что она считает полной чепухой. Диагноз деда или его реакцию на него? Его стремление восстановить связь с братом или тот факт, что на свете существуют и другие члены рода Беллами?

– А ты что-нибудь знала про его брата? Может, папа знал?

Она раздраженно взмахнула рукой:

– Пирс знал о нем, это ни для кого не было тайной. Все воспринимали как факт, что у Джорджа есть брат, с которым он никогда не встречается и даже по телефону не разговаривает.

– И ты не находила это странным?

– Не мое, да и не твое дело судить их. Я всегда думала, что просто каждый из них пошел своей дорогой. Твой дед всегда жил за границей, пока несколько лет назад не ушел на пенсию, а его сыновья... Впрочем, я едва помню, где они сейчас находятся. Ну, да это легко выяснить.

– Дядя Герард в Кейптауне. Дядя Луис в Токио, а дядя Тревор в Лос-Анджелесе. Не так уж трудно поддерживать связь с родственниками. Видимо, между ними произошло что-то серьезное.

– Этот вздорный старик просто выжил из ума! – заявила Уинифред. – Вот что с ним произошло. Не знаю, причиной тому его диагноз или преклонный возраст. Надеюсь, он хотя бы тебя послушает. Ты единственный, кто может его уговорить. Он поддался страху и уехал бог весть куда с неизвестной женщиной, тогда как должен находиться здесь, с нами!

Россу стало ее жалко. Да, его мать была неисправимой эгоисткой. Но ее с дедом связывала любовь и тоска по Пирсу. Из всей семьи, пожалуй, только Росс и дед понимали, что Уинифред ужасно боится понести еще одну утрату, и не только из-за денег.

Раз в год, в день гибели Пирса, Уинифред посещала кладбище ветеранов войны в Фэрмингдейле на Лонг-Айлен де. Там она со слезами возлагала венки на одно из памятных надгробий в бесконечных рядах таких же памятников, которые отличаются друг от друга только выгравированными именами. И каждый год свекор ездил вместе с ней, прилетая из Парижа или из любого другого места, где в данный момент работал.

– Он совершенно бессердечный, эгоистичный старик, если может так относиться к своим родственникам! – с негодованием повторила она.

– Ну конечно, такой упрек сразу заставит его примчаться сюда, – усмехнулся Росс.

– Но я не собираюсь ему это говорить.

– Иногда и без слов можно догадаться о том, что человек думает. – Он помолчал, а потом вдруг спросил: – Мам, а ты хорошо знала деда? Ты любила его или просто была благодарна ему за ту заботу, с которой он к нам относился после гибели папы?

– Не говори глупостей! Эти вещи невозможно разделить. – Потом вдруг она расплакалась. – Конечно, я всегда его любила! За кого ты меня принимаешь?

Росс погладил ее по плечу, цenia редкий случай искренности со стороны матери. Она похлопала его по руке и отошла к окну. Они никогда не чувствовали себя друг с другом легко и непринужденно. Росс был слишком взволнован, чтобы усидеть на месте.

– Пожалуй, поеду искать деда. Если выеду прямо сейчас, то успею выбраться из города до того, как все дороги будут забиты пробками.

– Но ты только что приехал.

– Поедем со мной, – предложил он.

– Не могу, у меня слишком много дел...

Росс оставил при себе свое замечание относительно ее занятости.

– Ну хорошо, останусь на обед, – уступил он. – А потом возьму машину.

– Слава богу, я успела! – выскочив из такси у охраняемой парковки на краю города, воскликнула Натали Свит. – Твоя мама сказала, что если я поспешу, то поймаю тебя.

Росс бросил ключи на капот машины, широко распахнул руки, и Натали бросилась к нему на грудь. Они крепко обнялись, и Росс закрыл глаза, вдыхая исходящий от ее волос ванильный запах жевательной резинки, напоминавший ему их детство. Господи, какое счастье, что у него есть Натали! Они встретились в закрытой школе в Лугано, в Швейцарии. Оба были испуганными ребятами, впервые в жизни оказавшимися далеко от дома.

Откинувшись назад, он оторвал ее от земли.

– Я тоже чертовски рад, что ты застала меня.

– Добро пожаловать домой, солдат, – взволнованно и ласково сказала она.

– Спасибо. – Он опустил ее на площадку. – Ты потрясающе выглядишь, Нэт. Писательская жизнь идет тебе на пользу.

Она засмеялась:

– Скорее, это заработок идет мне на пользу. Ты только посмотри, какой я стала толстой! – Она уперла руки в бока.

– Да ты просто прелесть!

Она всегда была хорошенькой, во всяком случае для Росса. Не красавицей в классическом понимании, а симпатичной, с детства знакомой девочкой, свежей, как румяное яблочко.

– Значит, в газете у тебя все в порядке? – спросил он.

– Я все расскажу тебе по дороге. – Она засмеялась, увидев его удивленное лицо. – Ты угадал, солдат, я еду с тобой.

– Что-то не припомню, чтобы я тебя приглашал.

Она показала на распухшую сумку, которую поставила на тротуар.

– А ты и не приглашал. Но я тебе пригожусь, и мы оба это знаем. Чем мы с тобой не герои «Следующего поколения»?

В школе они с Натали сходили с ума от дублированного фильма «Звездный путь: Следующее поколение», который смотрели по национальному каналу Италии. Росс до сих пор помнил, как звучит на итальянском языке фраза «Живите долго и счастливо».

– Слушай, это, конечно, здорово, но я поеду один. Это тебе не увеселительная прогулка.

– Ты что, так ничего и не понял? – Она шутливо стукнула его по руке. – Да я лучше поскучаю с тобой, чем пойду веселиться с кем-то другим. Так что давай двигаться, а не то застрянем в пробке.

– Ты со мной не едешь, и все!

– Зачем ты тратишь время на спор, который все равно проиграешь?

– Черт! Ну ты и вредина!

Через несколько минут они уже были в плотном, но движущемся потоке машин, покидающих город.

– Спасибо, что взял меня с собой, – сказала Натали. – Машина просто обалденная!

Росс всегда считал, что мать умеет выбрать машину. Ехать в спортивной модели «астон-мартин» с откидным верхом было все равно что кататься на карусели. Он давно уже не водил машину, где не нужно было одновременно занимать обе руки и обе ноги.

– Можно подумать, ты меня спрашивала, – усмехнулся он.

– Ты же знаешь, я всегда любила Джорджа, вот мне и захотелось хоть чем-то ему помочь в непростой ситуации.

– Да, это самое сейчас главное – разобраться в ситуации, – сказал Росс. – Я не могу пренебрегать тем, что сказала мне мать. По ее словам, он страдает слабоумием и не способен судить здраво. А значит, может оказаться жертвой недобросовестной медсестры.

Она коснулась его руки:

– Росс, я так рада, что ты вернулся. Я хотела бы узнать, каково там тебе было – когда ты сможешь об этом рассказать.

– Да, признаться, пока я к этому не готов. – Душевная травма от пережитого на войне была еще слишком свежа, чтобы обсуждать ее с кем-нибудь, даже с собой. Когда-нибудь он испытает потребность поговорить о том времени, рассказать о том, что видел и делал.

Но не сейчас. Ему все еще не верилось, что всего несколько часов назад он был военнослужащим и что с того жуткого обстрела во время его самого последнего вылета прошло всего несколько дней. Он чувствовал себя так, будто его выхватили из одного мира и мгновенно переместили в другой. Не то чтобы он не радовался, но еще не освоился.

Они мчались по просторному шоссе с удивительно живописными окрестностями, и Росс продолжал думать про деда. У них в семье все – особенно женщины – были какими-то взвинченными, взбалмошными, чересчур возбудимыми. Ничего удивительного, что дед уехал. Наверное, его потянуло к более уравновешенным родственникам.

– Ну, когда ты будешь готов, я с удовольствием тебя послушаю, – сказала Натали.

– Я бы лучше послушал про тебя, Нэт. Ты говоришь, с работой у тебя все в порядке?

– Да, просто отлично. Я уже чувствую себя в спортивной журналистике как рыба в воде. В прошлом году у меня был огромный успех – мою статью о выдающемся подающем в бейсболе поместили в «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Да, и еще кое-что, о чем ты наверняка забыл. В этом году у нас уже двадцатая годовщина поступления в школу, представляешь? – Она сжала ему руку. Это было так... непривычно! Ребята его отделения никогда не касались вот так друг друга.

– Ничего себе. Я никогда не подсчитывал. Выходит, мы познакомились уже двадцать лет назад?

– Да. И сразу возненавидели друг друга, помнишь? Ты дразнил меня за скобки на зубах.

– А ты издевалась над моей стрижкой.

– Просто чудо, как мы ухитрились проводить вместе хоть пять минут, а тут – целых двадцать лет.

Им пришлось вместе работать в одном школьном проекте. Происхождение и прошлый опыт были у них разные, но не это было причиной их обоюдной неприязни. Росс болезненно переживал гибель отца. Его семья имела деньги – не делала их, а имела. А это разные вещи.

Натали же получала стипендию. Ее родители, миссионеры, работали в одной из маленьких стран на западе Африки, где чуть ли не каждые полгода вспыхивали военные мятежи.

Они вечно дразнили друг друга, порой даже дрались и незаметно для себя крепко подружились. Их объединяла общая боль – оба были брошенными детьми. Росса бросила мать, которая не представляла себе, как она будет растить его одна, без мужа. А Натали оставили родители – преподобный отец Свит и его верная супруга и сподвижница служили высоким гуманистическим идеалам, им было не до воспитания способной, но застенчивой дочери.

– Такой долгий срок официально делает тебя моим самым давним другом, – заявила Натали.

– А меня – твоим. Выходит, мы с тобой уже старые. И когда ты думаешь выйти за меня замуж?

– Никогда, – засмеялась она. – Тебя это устраивает?

Эта тема была постоянным предметом для шуток между ними. В старших классах и потом в Колумбийском университете, где Натали училась журналистике, а Росс аэронавтике, они всегда поверяли друг другу сердечные переживания по поводу своих возлюбленных. И однажды ночью, выпив слишком много виски с пивом, отдались друг другу. Тогда они поняли, что никогда не смогут быть любовниками. Непостижимая природа их дружбы так и не переросла в любовь.

– Росс, ты же понимаешь, что этот брак не нужен ни мне, ни тебе. Мы принуждаем себя к этому, но зачем? Когда люди любят друг друга, тогда все складывается само собой.

Он дразнил ее, уверяя, что разгадал ее тайную мечту быть психоаналитиком. Хотя в душе был с ней согласен.

А Натали всегда заявляла, что у нее ничего не получается с мужчинами, потому что Росс забил ей голову нереалистичными надеждами. Как-то у нее завязались серьезные отношения с одним музыкантом, но из этого тоже ничего не вышло.

Каждый раз, когда она расставалась с очередным ухажером, Росс обвинял ее в том, что она питает надежды на него самого.

– Ты меня просто убиваешь, – сказал он. – Как думаешь, сколько отказов способен вынести человек?

– От меня? Сколько угодно, старик! Да и куда ты торопишься? Обычно мужчина исчезает с горизонта, стоит только заговорить о замужестве. А ты говоришь так, словно тебе не терпится остепениться.

– Не словно, а так и есть, – уточнил он. Особенно после того, что ему довелось видеть на войне. – Мне надоело жить одному, Нэт. Я хочу жениться, хочу иметь детей.

– Это потому, что ты рано потерял отца, – тихо сказала она.

– Может, вы и правы, доктор Свит. Когда я был маленьким и рядом со мной был отец, это было самое счастливое время в моей жизни.

– Теперь ты хочешь вернуть это время и ради этого стать отцом. – Она поймала по радио нежную мелодию в исполнении Ингрид Майклсон. – Не хотелось бы тебя расстраивать, но, думаю, так у тебя ничего не получится. Я очень хочу, чтобы получилось, Росс, потому что ты этого заслуживаешь. Ты заслуживаешь женщины, с которой будешь счастлив следующие пятьдесят лет, народив с ней целую кучу детишек.

– Не забудь еще про дом с белой оградой, – усмехнулся он. – И про собаку. У меня никогда не было собаки.

– Ну вот, теперь тебе уже мало просто завести семью. – Она снова искала по радио что-нибудь подходящее и на этот раз остановилась на незнакомой Россу песне в стиле рок; правда, исполнитель не пел, а просто выкрикивал рифмованный текст. – Это про проклятое время.

– И что это должно означать? – спросил он, убавив звук.

– Что человек всегда кого-то ищет. Что наступает время, когда ему хочется чего-то для себя одного.

– Ну, мне-то ясно, чего я хочу – помочь деду. Понять, что с ним происходит. – И он рассказал ей то, что знал.

Она невольно расплакалась и поспешно вынула из сумочки бумажный носовой платок.

– Черт, какой ужас! Даже не могу тебе передать, Росс, как это тяжело. Мне очень жаль, Росс.

– Спасибо за сочувствие.

– И ты говоришь, он уехал с какой-то частной медсестрой?

– Ну да.

– Странно.

– Ради него хочется думать, что это действительно всего лишь немного странно.

– Такой уж ты человек. А что твои родственники? Почему ты один отправился на поиски своего любимого деда?

«Потому что он – мой дед, и мне тяжело думать, что он умрет».

– Все уверены, что он послушается только меня. Они надеются, что мне удастся уговорить его вернуться в город.

– А если он не согласится?

– Тогда, скорее всего, к населению этого крохотного городка прибавится еще несколько человек из семьи Беллами. До сих пор не могу понять, почему дед не рассказал мне о своем брате Чарльзе. – Пока Росс поспешно собирался в поездку, мать успела сообщить ему то, что знала. Чарльз Беллами моложе Джорджа на три года. Оба учились в Йельском университете. И в тот год, когда дед окончил колледж, они расстались и больше связь друг с другом не поддерживали.

– А как Чарльз оказался в Авалоне?

– Мама сказала, что он женился на местной девушке и что они владеют каким-то летним лагерем или курортом – это ее наследственный семейный бизнес. Чарльз имел частную адвокатскую практику. Сейчас оба на пенсии и живут в Авалоне. Вот и все, что я знаю.

Вскоре они въехали в округ Ольстер и направились на запад, к горам Кэтскилз. Росс действительно очень волновался за деда. Если братья столько лет не общались, значит, для этого была очень серьезная причина. И если эта причина существует до сих пор, дед ждет тяжелые переживания.

Глава 6

Для Клэр очередной клиент был своего рода новым знакомством. Правда, здесь интерес друг к другу был не взаимным, а несколько односторонним – заинтересованной стороной была сама Клэр. И конечно, у этого нового знакомства не было... будущего. Но как всякий человек, вступающий в новые для него отношения, она постоянно думала о Джордже, стараясь разгадать его, понять его характер, душу. За несколько дней их знакомства она успела привязаться к Джорджу; ей нравилась гармоничность, которую она видела в его благородной внешности, джентльменских манерах, склонности к юмору и

способности мечтать даже в столь роковой для него период жизни. Симпатия оказалась взаимной и быстро переросла в дружбу. Клэр стала понимать язык его жестов, выражения его лица. Она уже могла сказать, когда он нервничает, когда ему неловко, когда он чем-то доволен.

Сегодня он провел день спокойно, отдыхал, немного поел, но попросил ее пойти с ним обедать в основное здание. Вскоре после семи она заглянула к нему, но застала Джорджа спящим. Ей не хотелось его будить, но он явно настроился пообедать сегодня с шиком и очень просил ее не отказываться.

– Джордж! – Клэр тихонько тронула его за плечо. – Джордж, вставайте. Пора одеваться к обеду.

Лицо его было спокойным и довольным, как будто ему снился приятный сон. Он вздохнул и медленно открыл глаза, вспоминая, где находится. Вот венецианское окно с видом на озеро. Столик у кровати с аккуратно разложенными лекарствами. Устройство с кнопкой для вызова Клэр.

– Вы не расхотели идти на обед? Если передумали, я могу снова принести поднос...

– Нет-нет! Мне надоело быть инвалидом. Благодаря здешнему воздуху и солнцу я прекрасно себя чувствую.

Она кивнула:

– Сейчас четверть восьмого. Столик у нас заказан на восемь.

– Я буду готов к этому времени.

В путеводителе по лагерю гостей просили для обеда в главном здании одеваться «соответственно». На территории было несколько заведений, где можно было наскоро перекусить и даже пообедать, тогда как в главном здании зал «Старлайт» был не столько столовой, сколько рестораном, с музыкой и танцами. Клэр не очень хорошо понимала, какой наряд будет сочтен соответствующим. По сравнению с прежними местами ее работы этот изысканный курорт был для нее новым миром. После окончания медицинского

колледжа и специальной стажировки у нее было много самых разных клиентов, но никто из них не выдерживал сравнения с Джорджем Беллами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Это именно колачи, они другой формы, нежели русский калач. (Примеч. ред.)

2

«На Золотом озере» – известный американский фильм, поставленный по одноименной пьесе Эрнеста Томпсона, рассказывающий о сложных отношениях дочери и ее пожилого отца. Действие происходит на Золотом озере.

3

От англ. Spin – прясть; spinster – прядильщица; старая дева.

Вассар – престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк.

«Мэйфлауэр» – английское судно, на котором в 1620 г. пересекли Атлантический океан первые поселенцы Новой Англии.

Купить: <https://tellnovel.com/syuzen-viggs/letnee-ubezhische-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)